

18+

ИРИНА МЕДЯНЦЕВА

Я усну живой

Ирина Медянцева

Я усну живой

<https://litres.ru/74155318>

ISBN 9785007024440

Аннотация

Рина пережила ад и обрела шанс быть с Давидом. Но мир продолжает рушиться. Враг, которого считали мёртвым, наносит удар за ударом, а возвращение Аза лишь запутывает клубок чувств в безумном треугольнике. Вместе они пытаются закрыть прорыв и спасти хотя бы малую часть человечества.

Когда надежды не остаётся, является Тот, кого никто не ждал. Мир исправлен. Но ценой чего?

Вторая книга дилогии — о цене божественного милосердия, о любви сильнее смерти и невозможном выборе между памятью и счастьем.

Содержание

Часть 1. Ад	6
Глава 1. Трещины	6
Глава 2. Сеанс	10
Глава 3. Прозрение	14
Глава 4. Окно	18
Глава 5. Сделка	22
Глава 6. Приговор	25
Глава 7. Прикосновение	29
Глава 8. Возвращение	32
Часть 2. Между	35
Глава 9. Назло	35
Глава 10. Отражение	40
Глава 11. Подарок	44
Глава 12. Ответы	49
Глава 13. Целуй	53
Глава 14. На краю	57
Глава 15. Рассвет	62
Глава 16. Тренер	67
Глава 17. Солидарность	71
Глава 18. Еще сильнее	76
Глава 19. Признание	79
Глава 20. Секреты	84
Глава 21. Камбэк	89

Глава 22. Ловушка	92
Глава 23. Видел	96
Глава 24. Не справляюсь	99
Глава 25. Барьеры	102
Глава 26. Двадцать седьмое марта	107
Глава 27. Пять минут	111
Глава 28. Возвращение домой	115
Глава 29. Вдребезги	118
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Я усну живой

Ирина Медянцева

© Ирина Медянцева, 2026

ISBN 978-5-0070-2444-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1. Ад

Глава 1. Трещины

— Ты — мой рай, Рина, — шептал он, блуждая затуманенным взглядом по моему телу. — Я хочу жить в нем до конца своих дней. В твоём дыхании. В твоих губах.

Его пальцы скользили вверх-вниз, окрыляя, и я таяла. Куски льда слетали с моей души, превращались в пар и уносились в небеса.

— Я люблю тебя, Давид, — слова вырвались наружу с изумительной легкостью, как будто только и ждали своего часа.

Он вздрогнул и вошел еще глубже, двигаясь так медленно, словно это лучшее занятие на свете. И я была готова продолжать бесконечно, лишь бы этот миг растянулся во времени, и сама вечность затаила дыхание, наблюдая за нами.

Пальцы зарылись в его мягкие волосы, а взгляд бессознательно блуждал по потолку, цепляясь за извилистые узоры трещин.

Трещины?

В них что-то ползало. Темное. Живое...

Мухи?

Насекомые копошились, перебирая тонкими лапками и расправляя влажные прозрачные крылья.

— Ты — мой рай, Рина, — его шепот окутал меня, и я попыталась утонуть в нем, вытесняя навязчивую мысль о том, что узоры на потолке... шевелятся.

Глаза закрылись, и я полностью отдалась сладости этого момента.

— Давид... — его имя сорвалось с губ прерывисто, утонув в ритме наших движений. — Господи... Как же я люблю тебя!

В ушах нарастал гул.

Жужжание?

Нет, показалось. Это кровь стучала в висках в такт нашему дыханию.

— Ты — мой рай, Рина, — снова повторил он...

Я распахнула глаза, уставившись в потолок. Трещины росли, шевелились, выплевывая наружу назойливых насекомых. Тысячи мух сидели друг на друге, образуя пульсирующую тень, готовую в любую секунду обрушиться прямо на нас.

— Стой, — я уперлась ладонью в его грудь, заставляя отстраниться.

Его голова медленно поднялась. Прекрасные губы растянулись в ухмылке, а взгляд расширился, открывая бездонную черноту его глаз.

Чужих глаз...

— Ты — мой рай, Рина, — хрипло прошипел он, обнажая серые нечеловеческие клыки и все еще продолжая двигаться во мне.

Ужас сковал тело, прилип мертвыми пальцами к горлу, сжимая его в ледяных тисках немого крика. Внутри все обрвалось и похолодело, будто сердце остановилось на самом деле.

Сердце остановилось...

Я смотрела на свое отражение в чужих зрачках, где вместо лица разливалась кровавая каша из разбитого вдребезги человеческого тела.

— Ты — мой...

— Заткнись! — горло взорвалось болью, выталкивая слова острыми осколками. Я пнула демона коленом в живот, и он отлетел в угол с неестественной легкостью, будто его тело было набито пеплом.

Руки быстро ощупали лицо — глаза, нос, губы — все было на месте.

Я проснусь....Просто кошмар...

Комнату перекосило от паники, пол накренился, желая стать потолком. Гул тысячи мух разрывал уши, заставляя вскочить с кровати. Ноги путались, пока я натягивала шорты, а в нос прорывался тот самый нечеловеческий запах — тот, что являлся только на выдохе.

Разбуди меня...

Я бежала по лестнице на крышу, босые ступни цеплялись за жесткий бетон, сдирая кожу. За спиной висел рой мух — моя личная тень ада.

— Мы должны решить, что делать с тварью в ее животе!

— кричал Михаил.

Серое небо спускалось все ниже, сгущая пространство по бокам, подгоняя к краю. К единственному выходу — за острый край перил, в пустоту. Где ждало только падение...

Я обернулась, чтобы в последний раз увидеть Его лицо — но Его больше не было. Ни прощального взгляда. Ни протянутых рук.

Больше нечего было запоминать. И нечего было терять.

Я шагнула вниз, отпуская жизнь, где даже время отказалось быть свидетелем, перестав смотреть на меня. И нескольких мгновений полета хватило, чтобы передумать умирать.

Разбуди...

Громкий хлопок внутри черепа взорвал глаза, тело рассыпалось на миллион частей, превращаясь в груды разорванных нервов и сломанных костей. Боль, сжигая до тла, послала свой последний сигнал, перед тем как исчезнуть:

Я в аду?

Глава 2. Сеанс

— Доктор, я бы с радостью все списала на паранойю, — мои пальцы нервно скользили по шее, помогая проталкивать слова. — Но ад реален. И он преследует меня... с самого детства.

— Расскажите свою историю с Азом?

И я начала рассказывать.

— Он явился, когда произошел прорыв ада... и умер Давид. Наверное, я плохо соображала тогда. На пике горя. Поэтому доверилась ему полностью. — в горле встал ком, слова спотыкались и рвались, будто мозг уже умер, но какие-то нейроны еще подавали последние импульсы, не понимая, что хозяина нет в живых.

Психотерапевт молча кивнул, а я продолжила.

— Но он обманул... — слезы подступили к горлу, соленые и бесполезные. — Превратил меня в убийцу. Впустил в меня эту жуткую силу... чтобы я уничтожила его брата. Сила выжгла все изнутри, растоптала мою душу... — глаза закрылись, пытаюсь стереть ужас воспоминаний. — А то, чем я была беременна... Было страшнее ада...

Я подходила к самым болезненным воспоминаниям. Сознание, в попытке защититься, отчаянно искало якоря в безобидных мелочах: в узорах на полу, в полках с книгами... Их корешки были словно клонированы — один в один...

За окном крошечная тьма плавно перетекала в сумрак кабинета, стирая границы между внешним миром и внутренним адом. Камин трещал в углу, полыхая огнем, но тепло его было призрачным, словно он — всего лишь удачная голограмма, вставленная в мою искусственную реальность.

— Поэтому я больше не хочу слышать о нем... — голос сорвался, превратившись в шепот. — Он убил Давида!

Слезы наконец нашли выход, я беззвучно плакала, глядя, как языки пламени пожирают поленья, но не могут согреть мою ледяную кожу.

— Он с легкостью прошелся по моей судьбе своими тяжелыми берцами. Раздавил меня, как ничего не значащую букашку...

Не зря он меня так и называл...

— Расскажите свою историю с Азом? — повторил психотерапевт, когда молчание затянулось.

Странно...

Я же сказала, что не хочу говорить о нем. Хотя, возможно, в этом и заключался его метод — давить на больное, пока не лопнет нарыв и не хлынет весь скопившийся яд. И потому я продолжила, смирившись с болью.

— Может, он и любил меня... — пальцы снова потянулись к губам, неосознанно сдирая слои мертвой кожи. — По крайней мере, в конце. Но как он мог после всего, что натворил, продолжать смотреть мне в глаза и говорить о любви? — голос дрогнул. — Может, у ангелов нет совести?

Языки пламени, словно подхваченные вихрем моих мыслей, вырвались из камина, рассыпавшись по полу беспокойными искрами.

— Расскажите свою историю с Азом? — терапевт настойчиво повторял одну и ту же фразу.

И я наконец вынырнула из пучины размышлений, взглядевшись в его лицо. Он ухмылялся, обнажая ряды неестественно серых заостренных зубов, а в бездонных глазах плескалось отражение моего личного ада — того самого, что я принесла с собой в этот кабинет.

Мир накренился, когда я рывком поднялась со стула, с грохотом задев ногой журнальный столик. Тот, подпрыгнув, полетел в сторону камина и, перевернувшись, рухнул прямо в огонь. Вспышка ослепила глаза на мгновение — тысячи искр взметнулись к потолку.

Пламя, словно ждавшее этого момента, жадно перекинулось на ковер, поползло по деревянному столу и хищным языком лизнуло белый халат застывшего терапевта.

К бегу меня приучил... Аз. И я побежала. Дверь, не выдержав удара, сорвалась с петель с оглушительным скрежетом, когда я врезалась в нее плечом, — и вот он, спасительный провал в...

Никуда?

Я мчалась по ступенькам вверх, преодолевая сотни этажей, тысячи ступеней и целые эпохи боли. Но сердце молчало, будто его вынули из груди, а дыхание...

Или я уже забыла, как дышать?

— В этом мире, благодаря тебе, он прошел все круги искупления, — голос Михаила раздался ниоткуда. — От гордыни и предательства до любви и жертвенности.

Я выскочила на крышу, и не сбавляя темпа, рванула к самому краю.

Какая ирония. Аз в раю...

Стекла ограждения слепили, отражая пожирающий все позади пожар. Я перескочила через них, и, не думая, рухнула вниз.

А я в аду!

Мир перевернулся, небо ушло под ноги, и оглушительный хруст разом поглотил все — звук, свет, мысли. Душа освобожденной птицей с легкостью оторвалась от мертвого тела, взметнувшись ввысь. Но адские языки пламени тут же поглотили ее, затягивая обратно в ненасытную бездну.

Абсолютно чистая боль стала единственным чувством моей разрушенной вселенной.

Я в аду!

Глава 3. Прозрение

Мне снилась Ба.

Она сидела на крыльце своего старенького дома, сжимая в руке потертый поводок. Коза стояла рядом, методично пережевывая всю траву вокруг и уже заходя на заветные грядки с морковкой.

— Ты будешь счастлива как никогда, — заявила Ба, и хитрая улыбка спряталась в паутинке морщин у рта.

— Буду, — я улыбнулась в ответ еще до того, как поняла смысл ее слов.

Я уже была счастлива.

Давид.

Чистые голубые небеса светились его глазами. Эти новые чувства завораживали, кружили голову вихрем из чего-то бесконечно большого и божественного. Нет, вихрь был не просто огромным — всепоглощающим. Он сбивал с ног. Путал мысли и распутывал все прошлые переживания одной лишь силой своей чистоты.

Еще секунда — и правда влюблюсь.

Улыбка доползла до ушей, и растянулась бы шире, да только шире было некуда.

— Ба, я влюбилась, — признание выскочило с легкостью, тут же заставив смутиться.

Дверь внезапно отворилась, и на пороге возник Аз.

Что?

Он бросил на меня привычно ледяной взгляд, и прошел мимо, словно всегда здесь жил.

— Ба, что он тут делает? — прошептала я.

Она слегка прищурилась, и снова повторила, как заведенная:

— Ты будешь счастлива как никогда.

— Нет... — я замотала головой, отказываясь верить, — Не-а... — в этот раз Ба точно ошибалась. — Ты меня не поняла! С ним я не буду счастлива!

Но она лишь молчала в ответ. Только никакое молчание не могло изменить мою уверенность: я всегда буду выбирать Давида...

Всегда...

И тут коза обернулась, из полуоткрытого рта выглядывала непроглоченная трава, а в глазах...

— Бог покинул нас! — вдруг заблеяла она голосом Михаила.

Я обернулась, не увидев ничего вокруг. Ни красок, ни образов, лишь плоский, бездонный фон, будто кто-то вырезал меня из реальности и забыл дорисовать мир за спиной.

Тьма позади медленно шевелилась, подступала крохотными шагами, бесшумно поглощая еще живую картинку моей жизни.

Жизни? Была ли моя жизнь хоть когда-то настоящей?

— Ты будешь счастлива как никогда! — прогремела Ба.

В ее глазах плескалась непоколебимая уверенность, когда Аз подошел сзади и обнял меня за плечи. Ледяные пальцы прошли по разгоряченной коже, вызывая озноб.

— Нет, Аз! — я пыталась отшвырнуть его руки, но он только крепче сжимал мое тело. — Не хочу! Отцепись!

— Я заполню тебя так, что ты больше и не вспомнишь про свою пустоту. — он развернул меня к себе, прижав настолько близко, что каждое слово задевало мои губы, заставляя их раскрываться в такт. — В твоей голове останется лишь мое имя.

— Не хочу! — я билась в его руках обреченным призраком, бессильная стать чем-то большим, но хватка лишь сжималась. — Не хочу!

Когда колено с размаху врезалось в его пах, он лишь издал короткий хриплый звук — не боли, а раздражения — и перекинул меня через плечо. Мои кулаки молотили его по спине, рвали ткань, а зубы впивались в плоть, но он нес меня сквозь этот кошмар с ужасающей целеустремленностью.

— Куда? — я задыхалась под нарастающей паникой. — Куда ты меня несешь?

— В твоей голове останется лишь мое имя, — его голос звучал безразлично, будто он вел меня не в пропасть, а в свою спальню.

Мир перекосило, когда я узнала крышу нашего дома, а он все продолжал нести меня к краю. Пальцы судорожно зацепились за острые ограждения, стекло врезалось в кожу,

оставляя кровавые дорожки на ладонях.

— Не хочу! — голос сорвался на крик, пропитанный безграничным ужасом. — Я не прыгну!

Память ударила в самое сердце, обнажив все мои прошлые падения. Отчаяние взорвалось внутри, предвкушая неизбежную боль, когда Аз выставил меня за последнюю черту.

— Нет, Аз! — я смотрела в его холодные глаза, пытаюсь отыскать там хоть крупичку сострадания. — Не надо...

Но он лишь слегка толкнул меня в живот — с равнодушием, от которого остановилось сердце.

И я полетела.

В аду.

Я всегда была в аду. Это не падение — лишь возвращение. Очередной виток бесконечной пытки. Терять надежду снова и снова, чтобы вновь обжечься страшным прозрением:

Я... в аду...

Глава 4. Окно

Время стерло границы, и моим миром завладел единый, бесконечный день с разными оттенками безумия.

Падать. Возвращаться. И вновь падать.

Только теперь я помнила все. Боль не успевала остыть в костях, как меня вновь швыряли в искусственный рай, выстроенный из обломков моей памяти.

— Вы меня сломали, — шептала я очередному Азу. — Я не вынесу еще одного удара.

Или Давиду. В моем сознании они больше не имели различий. Глаза разучились видеть иллюзии, выискивая лишь адские насмешки.

Сколько уже было падений? Десять? Двадцать?

Кажется, больше сотни...

Я прикрыла веки, отказываясь играть в очередное счастье.

— Это выше моих сил... — шепот превратился в молитву. — Выше моих сил... Спасите... Хоть кто-то... Помогите мне... Я больше не могу. Больше не могу! БОЛЬШЕ НЕ МОГУ!

Крик разорвал хрупкую оболочку искусственного рая, и рассыпался в прах, оставив меня в густой, плотной тьме, что тут же пришла в движение — заговорила, запела, зарыдала множеством голосов на тысяче языков, которые вдруг стали мне доступны.

— Азраил покинул нас, — шипели они.

— Но его суть осталась в тебе — мы ощущаем ее каждым своим осколком.

— Ты убила Абаддона.

— Убила нашего Пророка, не дав ему родиться.

Голоса пробирались в мозг, опутывая мысли липкой паутиной страха.

— И теперь наша ненависть обретет новую силу.

Я заткнула уши, но это лишь усилило громкость, будто тишина была идеальной средой для их ядовитого эха.

— Добро пожаловать на второй круг ада, дорогая Букашка.

— Здесь гораздо жарче.

Голоса растворились в тишине, бросив меня в вечной тьме. Постепенно тело коснулось дна, и я осталась лежать на спине, заключив себя в хрупкие объятия. На миг показалось, что меня несет лодка, а вода приятно раскачивает края. Я закрыла глаза, притворяясь, что плыву по реке к соленому дыханию моря, чтобы стать крупницей в великом, теплом теле океана. Превратиться в шум волн. Быть частью вечной бездонной глубины.

Мысли медленно парили в одном направлении:

Здесь проще... Тише... Легче...

Время растеклось, утратив всякую форму, и если бы я могла спать — я бы уснула. Если бы мое сердце еще билось — я бы слушала его ритм. Если бы во мне оставалось дыха-

ние...

— Тик-так. Тик-так. — шепот легко выскользнул из губ и тут же растворился в бесконечности.

Разум наконец отдыхал, словно кто-то услышал мои молитвы и даровал передышку.

Но телу не нравилась тьма. Коже чудилось, что кто-то ползет по ногам. Шершавые пальцы с острыми когтями быстро перебирали, вырисовывая причудливую дорожку до колен, а затем выше — к бедрам.

Я дернула ногой, пытаясь сбросить навязчивое ощущение. От моего движения пространство вокруг расширилось еще больше, и я внезапно перестала чувствовать дно под собой. Тело затрепетало в слепой панике — ему отчаянно были нужны границы, хоть какая-то точка отсчета в этом бесплотном небытии.

Пальцы судорожно схватились за пустоту, вырывая из нее клочья несуществующего воздуха, а ноги молотили впустую, подчиняясь слепому инстинкту бега, которого не было. Мозг, отравленный паникой, уже начал взламывать зрение — на сетчатке вспыхивали и гасли кроваво-алые спирали, рожденные в глубинах хаоса.

А потом слух поймал это — низкий, нарастающий гул, словно где-то в самой сердцевине тьмы разбудили древнее чудовище, и теперь оно медленно, неотвратимо поворачивалось в мою сторону.

Я продолжала бежать, с каждым несуществующим вдохом

наращивая темп, словно от этого что-то зависело. Надежда сошла с ума, решив, что найдет в этом мире свой угол.

За мной неотступно летело что-то, когти впивались в спину, разрывая плоть и обнажая ребра, пытаюсь добраться до самой сути того, что когда-то было мной. Кровь текла по ногам, а боль чистым импульсом хлестала в каждую клетку мертвого тела.

Я бежала так яростно, что края пустоты начали тлеть и плавиться от безумия, искажаясь. Складываясь в смутные очертания чего-то иного.

Бежала, пока впереди не возникло окно. Его чистый свет сжигал всех монстров за спиной и закрывал раны, возвращая на кости плоть. Я врезалась в него на всей скорости, жадно впитывая глазами знакомую комнату.

Ту, где Он говорил со мной.

Глава 5. Сделка

Очередная пытка была слишком изощренной. Словно кто-то настроил резкость до предела, и я могла любоваться каждой Его чертой. Он сидел на полу, развернувшись к окну вполоборота, и одна половина Его прекрасного лица тонула в тени, а вторая светилась чистым страданием. Пальцы беспомощно путались в и без того взъерошенных волосах, а губы шептали что-то беззвучное.

Поначалу я не слышала ничего, кроме звона в собственных ушах. Но с каждым мгновением Его шепот нарастал, пробиваясь сквозь миры, пока голос не обрел четкость. Голос не смывал мою боль — он трансформировал ее. Физическая мука утихала, чтобы родиться заново уже в самой глубине сердца, кристально ясной и невыносимой мукой потери.

— Я подвел тебя, — прошептал Он. — Не справился...

Я прижалась лбом к холодному стеклу, ловя мелодию Его голоса как единственное спасение от безумия.

— Прости... Прости, что не могу тебя вытащить... Пока не могу.

— Не надо! — выдохнула я. — Не смей давать мне надежды!

Я рванула от окна, не сдерживая слез.

Это ложь. Ложь! Он не настоящий!

Но Его голос теперь висел в самом воздухе, он был в каждом атоме этой пустоты.

— Прости, что моя смерть стала для тебя ключом в ад. Я думал, что спасаю... а только открыл дверь для него. — пауза провалилась в тишину. — Но я тебя вытащу.

Глупая, предательская надежда развернула меня к окну. Теперь Он стоял, и Его глаза — две небесные бездны вины и боли — смотрели прямо на меня...

Надежду вместе с моим телом оторвали от стекла ледяные руки, подхватили как пустой манекен и швырнули на кушетку.

Больница?

Пустота внезапно обрела форму, углы и стерильный запах антисептика. Голову жестко зафиксировали ремнем. Я не сопротивлялась. Пусть творят, что угодно. Больнее уже не будет...

— Повеселимся, Букашка? — Демон склонился над моим лицом, его пустые глазницы прожигали насквозь. В их угрожающей глубине плясали искры чистой, неразбавленной жестокости.

— Поверни мою голову, — прохрипела я. — Делай, что хочешь, но не лишай возможности смотреть в окно.

— Тогда сделка! — Восторженно взвизгнул демон. — Я не отберу окно, а ты... отдашь свой голос! И больше никогда не произнесешь ни слова, согласна?

Всего лишь голос? Что стоили мои слова в этом аду? Они

были пеплом на языке, шепотом, который все равно никто не слышал. За них не было смысла держаться.

— Сделка, — выдохнула я, и это последнее слово отско-
чило от стен, чтобы размножиться эхом, повториться тысячи
раз и вернуться уже чужим, пустым звуком.

Хорошо, что мой голос исчез.

Иначе бы я кричала. Кричала как сумасшедшая, разрывая
глотку на части. Дробя криком стены. Сводя с ума вечность.

Демон веселился как умел, с хирургической точностью
разрезая тело на части: пальцы, ступни, голени, бедра. Плоть
отделялась с тихим шелестом, словно мое тело давно высох-
ло.

Вот бы так же легко было с болью...

Затем в ход пошли руки. Если бы во мне еще теплилась
жизнь, я умерла бы уже в десятый раз.

Пытки Дона — ничто, по сравнению с этим...

Живот дробили на части. Грудь. Шея. Пока не осталась
одна голова.

И глаза, прикованные к окну, что не отрываясь, смотрели
туда, где Он кричал за двоих, умоляя не сдаваться.

Глава 6. Приговор

Куски плоти валялись на полу и медленно двигались друг к другу, словно притягивались магнитом. Демон ушел давно, напоследок швырнув мою голову в общую кучу.

Я разбита на части и большие никто не соберет меня...

Когда руки приросли к плечам, а пальцы встали на свои места, я медленно ощупала лицо. Мой рот был зашит — аккуратный мелкий стежок толстой нити — немой и физический символ сделки.

— Рина!

Его голос, пробивающийся сквозь стекло, заставил вздрогнуть то, что осталось от моей души. Он звучал так близко... еще чуть-чуть и можно дотронуться...

Последние части ног приросли друг к другу. Я сделала шаг, подчиняясь зову, и тут же прилипла к холодной поверхности стекла всей своей искалеченной сутью.

— Не сдавайся!

Он не видел меня. Не видел этого уродливого зрелища — частей, швов и следов пыток. Но почему-то был абсолютно уверен, что я слышу. Из глаз, не отрывавшихся от него, хлынули слезы. Они текли по моим щекам беззвучно, как и все во мне теперь.

Его ладонь прижалась к стеклу ровно напротив моего лба.

Так близко...

От меня до него лишь окно с прозрачным светом. От него до меня...

Бездна.

Я подняла дрожащую руку, коснулась пальцами холодно-го стекла с другой стороны, повторив его жест. Иллюзия прикосновения обожгла кожу воспоминаниями.

Он опустил на подоконник, приник щекой к прозрачной стене, и я с другой стороны сделала то же самое, пытаюсь поймать хоть тень Его тепла.

— Они отказались помогать... — Его голос сорвался, наполняясь горечью. — Сказали, что не имеют права вмешиваться. Лицемерные лживые твари! Нами играли, как пешками. Довели тебя до самого края...

Душа, едва успев слепиться из осколков, снова распалась на части от Его отчаяния. Он рвал волосы, а я могла лишь молча прижиматься к стеклу, зашитым ртом впиваясь в собственную беспомощность.

— Но я найду вход в ад, — Он тряхнул головой, отгоняя прочь следы сомнений. — И приду за тобой...

Не надо...

— Новая сделка! — Воздух сгустился и задрожал. Демон явился ниоткуда, своим жутким присутствием неся новую боль. — Отдаешь свой слух... и продолжаешь смотреть в реальность. Согласна?

Реальность?

Какая реальность? Та, где Он готовится к самоубийствен-

ному пути?

Я была готова на что угодно. На любую боль, на вечное одиночество, на полное забытье. Только не на это. Не быть свидетельницей гибели Его души.

Я думала, Он — плод моего воображения. Утешение для смертельно больного. Или новая, особо изощренная пытка. Что угодно, только не правда...

Давид должен был сдаться! Просто обязан был отступить, забыть, жить дальше. Он не должен был видеть меня такой. Не должен был искать дорогу в ад.

Демон склонился ко мне, отрывая от мыслей.

— Ну что, Букашка? Сделка? Лишаешься Его голоса... и сохраняешь картину Его падения. Бесценное зрелище!

А потом меня снова принялись резать на части.

Легко, почти играючи, разделявали как тушу животного. Но я уже не чувствовала лезвия — вся боль ушла в другое место, вглубь. Туда, где кричала душа, которую больше ничто не могло исцелить.

Я не отрывала взгляда от окна.

От Него.

Видела, как Его губы складывались в мое имя, как на прекрасном лице застывала маска отчаяния, как он бил кулаками по невидимой преграде, сотрясая миры. Но вокруг меня больше не было звуков.

Безвольное тело вновь собралось по кускам, как страшный пазл, который кто-то бесконечно складывает и рассыпа-

ет. И я уже почти научилась различать слова по движению Его губ, угадывать смысл в дрожании век, в морщинках на лбу...

Но мне не дали времени.

— Новая сделка! — Голос демона прогремел прямо у меня в голове, звуча триумфальным гонгом, возвещающим конец. — Хотя... нет. Сделок больше не будет!

Приговор...

Глаза цеплялись за образ в окне. Пили Его боль, Его ярость, Его любовь — последнее, что у меня осталось.

У меня хотя бы остались глаза...

Пока чьи-то пальцы не впились в мое лицо.

И не выкололи их...

Глава 7. Прикосновение

Чьи-то руки подхватили меня, окутав тяжелым теплом одеяла.

Пролежав в пустоте миллион несуществующих ударов сердца, я лишилась и вкуса, и запаха. Осозание — все, что осталось. Единственная ниточка, связывающая с миром, который стал сплошной болью.

А теперь меня снова несли. На новую пытку.

Отнимать разум?

Цепляться за него уже не было смысла — он и так сходил с ума, подменяя леденящий холод ада теплотой Его прикосновений.

Так касался меня только... Он.

Сраная надежда!

Она, как ядовитый сорняк, никак не хотеладохнуть. Цеплялась за разорванные края души, шептала сладкие воспоминания. Обещала спасение... Лучше бы сначала лишили ее! Это было бы самой милосердной пыткой.

Ветер появился неожиданно. Словно кто-то открыл дверь, и сквозь нее хлынул поток иного воздуха. Сначала ветер промчался по засохшим ранам на зашитых губах, заставив их вновь саднить, растрепал остатки волос и принялся щекотать пятки — нежно, как пальцы любимого.

Я распахнула глаза. Бессмысленно. Желая хоть на мгно-

вение пробить тьму, но она не отступила. Зато ветер высушил слезы.

Пусть будет надежда. Пусть хотя бы на секунду я вдохну этот ветер...

Вдохну...

В горло, в легкие, в самую глубь моего собранного заново тела проникал воздух. Настоящий. Холодный? Да, мой любимый воздух зимы... Тот самый, что колот остротой тысячу игл, пронизывал насквозь и дарил хрустальную ясность.

Я... дышала?

Дикое облегчение волной накатило на меня. И в тот же миг сменилось животной паникой.

Какой же изощренный демон так свирепо пытается меня жизнью?

Грудь заплясала, судорожно, истерично пытаюсь надышаться впрок, вобрать в себя этот обманчивый глоток свободы, пока его не отняли.

Пока еще могу...

Я болталась на чьих-то руках, выровняв дыхание в такт чужим шагам.

Один... Два... Три...

Болталась, пока не провалилась в небытие.

Они все-таки забрали мой разум...

Кто-то целовал мой лоб...

Ласково, как мама в детстве, прикладывая губы к го-

рячему виску.

Чьи-то пальцы коснулись щеки, и по ней тут же покатились бестолковые слезы. Тело, забывшее ласку, отозвалось резким спазмом, прострелившим в ожидании боли.

Я моргала, пытаюсь хоть что-то разглядеть сквозь крошечную тьму, но она была неприступной.

Когда это закончится?

Бездна ушла. Я неподвижно сидела, а пальцы сами вцепились во что-то мягкое и теплое. Диван? Тут же — острая, как лезвие, полоса паники пронзила сердце. Тело, привыкшее парить в пустоте, отчаянно сопротивлялось границам, нащупывая ловушку.

Окно. Мне нужно окно...

Я вскочила, сбивая что-то тяжелое. Выставленные вперед руки беспомощно щупали пространство, а грудь судорожно вздымалась, разучившись дышать без боли.

Еще продолжала дышать. Почти, как живая...

Пальцы натолкнулись на шершавую стену, я пошла вдоль нее, пока не нащупала проем окна. Подоконник оказался почти на полу. Ноги сами собой подобрались, нашли приют на твердом камне, а щека прильнула к ледяному стеклу, ища спасения.

Кто-то снова подошел и накрыл меня легким пледом.

А я лишь сжималась внутри, ожидая, когда вновь станет больно...

Глава 8. Возвращение

Меня снова качало из стороны в сторону.

Тик-так. Тик-так.

Боль...

Я сжалась в комок, мысленно уже превращаясь в одну сплошную рану. Готовилась. Ждала удара, разрыва, треска костей. Боль должна была прийти.

Когда? Когда же!

Сейчас ее отсутствие стало новой пыткой. Незнание скреблась когтями по нервам, страх накатывал волнами, заставляя рвано дышать. А эти чертовы швы на губах не давали вдохнуть полной грудью, и я задыхалась от собственного ужаса.

Нет. Это не было качанием пустоты. Однотонный ритм, механический и... привычный. Меня везли.

В машине?

Глаза разлепились в надежде прозреть. И недобитая надежда выиграла в этот раз — я смотрела в потолок. Узнавала бежевую кожу с узором из прошитых звездочек в углах многочисленных ромбов. До боли знакомый... до мурашек...

Глаза верили. А разум отчаянно сопротивлялся, боялся не выдержать. Он кричал, что если я поверну взгляд и увижу Того, кто за рулем, — сойду с ума окончательно.

Лучше просто смотреть в потолок. Цепляться за эти дурацкие звездочки. Притворяться, что все еще не вижу. Что все еще в аду. Так безопаснее.

Так не разорвет сердце пополам...

Я считала углы в ромбах, доходила до сотни и начинала сначала.

Больно не будет, пока не приедем...

Это простое решение принесло хрупкое спокойствие. Я развернулась к окну и забылась в призрачном движении облаков.

— Рина, — шепот прорезал тишину.

Слух вернулся вслед за зрением, наполняя мир звуками, от которых заходила душа. И этот голос... Уши узнали его мгновенно. Но мозг отказывался верить, орал, что это последняя черта, за которой — безумие.

— Мы приехали, — хриплый усталый голос легко прорвал все запреты.

Я боролась с реальностью, впиваясь взглядом в облака, пока холодное осознание не пронзило насквозь:

Мы приехали... Значит, сейчас будет боль.

Пальцы коснулись моей щеки, а меня прострелило в ожидании удара. Я резко скинула руку и развернулась, готовясь к атаке...

За рулем сидел Он. Взъерошенные волосы, осторожная полуулыбка и пронзительный взгляд ярких глаз. Такой, от которого разум не выдержал и свихнулся.

Дверь открылась сама собой. Я выскочила прочь, в чем была — босая, в чужой одежде. За спиной раздался его отчаянный крик, но уши уже не слышали ничего, кроме звона и зова боли.

Бег — это все, что у меня осталось. Я неслась по берегу моря, и зимний песок обжигал ступни ледяным огнем. Перед глазами поплыли черные пятна, но тело упрямо рвалось вперед. Камень подвернулся внезапно — нога зацепилась, щиколотка хрустнула с отвратительной ясностью, и я рухнула лицом в песок.

Радоваться.

Нужно было радоваться за себя. Я наконец дождалась боли — честной, настоящей, своей. Той боли, которая убедила меня в том, что я все-таки...

Жива.

Часть 2. Между

Глава 9. Назло

— Тебе кажется, — Давид провел большим пальцем по моим губам. — Здесь нет никаких ниток.

Я боялась пошевелиться. Боялась, что если скажу хоть одно слово, эта реальность рухнет. В голове то и дело всплывала сделка с демоном.

Скажу слово — и засосет обратно в ад.

А эти нитки... Я чувствовала их.

Он принес зеркало, но мне было страшно заглянуть туда. В отражении я могла увидеть только чудовище.

Мы сидели в гостиной его дома на берегу моря. Того самого, где я мечтала оказаться после смерти. И того самого, что осквернил Аз моим первым убийством.

Я осторожно взяла из его рук телефон, избегая прикосновений, и вывела на экране:

«Договор. Больше не могу говорить.»

Но мне было довольно и этого — просто сидеть в сантиметре от него и общаться через телефон.

— Можешь. — Легко возразил Давид. — Договор разрушен.

А он не боялся прикасаться. Его мягкие пальцы нежно

скользили по лицу, и глаза смотрели так, словно перед ним прежняя я.

Но прежней во мне не осталось и капли.

— Тебе надо поесть. — Вздохнул он. — Уже три дня без еды. Поэтому нам надо разобраться с твоими несуществующими нитками.

Он взял мои ледяные ладони в свои, пытаясь согреть. И я уже почти не вздрагивала. Почти поверила, что он не причинит боли. Хотя боль все-таки была — от его взгляда я забывала дышать до тех пор, пока не начинало колоть сердце.

Живое сердце...

— Тебе не обязательно прямо сейчас говорить, родная. — Его губы зарылись в мои ладони, вдыхая жизнь. — Просто попытайся открыть рот.

В желудке предательски заурчало, и он только шире улыбнулся, с невероятной легкостью подхватил меня на руки и перенес за обеденный стол.

— С чего начнем? Есть бульон, яичница и салат.

Я пожалала плечами — пусть выбирает сам. Давид развернулся к плите, громыхая посудой:

— Тогда менемен, — хмыкнул он, — конечно, не такой вкусный как у тебя. Но я старался.

Воспоминания о нашей первой встрече хлынули лавиной — притяжение, тайна, преследование, — и я едва выдержала натиск обрушившихся эмоций, стараясь снова не сбежать. Хотя поврежденная щиколотка не позволила бы далеко уйти.

ти. Полчаса назад Давид наложил тугую повязку и пообещал разобраться с ней после.

— Попробуешь? — Он вложил вилку мне в руку, и я решила не сопротивляться.

Назло всему аду научиться жить заново.

Я резко открыла рот — так, будто пыталась разорвать невидимые нити одним движением. Но губы подчинились легко и безболезненно, я положила небольшой кусочек омлета на язык, а затем легонько прижала к небу.

И мир заиграл новыми красками. Наверное, именно так чувствуют себя младенцы, впервые пробующие эту жизнь на вкус. Я тоже родилась три дня назад — заново, с болью, со шрамами, но живая.

Время вновь обрело вес и значение. Я потянулась к телефону: 23:27. И дата заставила сердце пропустить удар...

Я быстро напечатала вопрос на экране:

«Как ты меня вытащил. Оттуда?»

Давид посмотрел на сообщение, и его беззаботность испарилась мгновенно, будто и не было.

— Я выбесил одно древнее демоническое существо... и он был вынужден открыть для меня твой ад.

В уголках его глаз пролегла непрощенная тень. Он явно не договаривал, но пока мне этого было достаточно.

Почти три месяца в аду... А будто прошло три столетия.

Я доела все, что было в тарелке, выпила бульон, и доже-

ывая яблоко, вернулась к телефону:

«Откуда еда?»

— А давай так, — он скинул посуду в раковину и вернулся, усаживая меня на диван. — Договор о твоём молчании расторгнут. Я это знаю точно.

Его пальцы мягко сомкнулись на моих. Наверное, он тоже боялся, только умело прятал страх. Его выдавали лишь постоянные прикосновения, как будто я могла испариться, стоит ему отпустить мою руку.

— Поэтому за каждый мой ответ — одно твоё слово. Любое. Хорошо?

Я молча кивнула, подавляя сопротивление, сжимавшее горло.

Назло всему аду...

— Продукты приносит Кастиил. — Он заглянул мне в глаза, ожидая реакции, но я лишь приподняла бровь. — Кас. Тот самый.

Тот самый.

Желавший моей смерти не меньше всех ангелов мира. По спине пробежал холод воспоминаний, и я чуть не подавилась собственным сердцем, тяжело застучавшим в горле.

— Он не зайвится сюда, — быстро добавил Давид, мягко поднимая мой подбородок. — Никто не посмеет больше влиять на тебя. В этом доме ты в полной безопасности. Никаких ангелов. И никаких демонов. Хорошо?

— Хорошо, — первое слово вышло хриплым и едва слыш-

ным.

И мир не рухнул. Ад не поглотил меня обратно. Было только тепло его объятий, ровный стук его сердца и мое спокойное дыхание.

Так я встретила свой двадцать восьмой день рождения.

Глава 10. Отражение

Мне снился Аз. Он толкал и толкал меня к краю, а я цеплялась за его руки, кричала, умоляла остановиться — но все равно падала. Разбивалась об асфальт. Растворялась в ледяных лужах бесконечного дождя.

Крик вырвался в реальность. Я резко села на кровати, судорожно ощупывая тело — целое, но все еще помнящее боль. Давид бесшумно вошел и осторожно потянулся ко мне, будто боясь спугнуть.

Я дома.

Это сон.

Всего лишь сон...

Рваное дыхание постепенно выравнивалось под ритм его ладони, движущейся по спине.

— Скоро... — выдохнул он в мои волосы. — Совсем скоро все твои кошмары закончатся.

Это невозможно.

— Если только выпилишь мою память, — горько усмехнулась я.

— У меня план проще, — его наглая улыбка сбивала с толку, — я завалю тебя такой любовью, что страхи сбегут в собственной панике.

Это звучало так наивно и так прекрасно. Смешок вырвался сам собой, но тут же утонул в кислой, бездонной волне

вины, нахлынувшей изнутри.

— Я этого не достойна...

— Достойна, — легко возразил он, приглаживая мои рас-
трепанные волосы. — Постараюсь справиться даже с твоим
самым старым детским страхом ведьм.

Я замерла, затаив дыхание.

— Откуда знаешь?

Еще одни отношения, построенные на лжи, моя душа не
переживет.

— Я... наблюдал за тобой из окна рая. — Он и не думал
врать.

Осознание ударило под дых.

Он видел...

Все ужасы, что я творила, всю грязь, кровь... Похоть...
Хотелось провалиться под кровать, укрыться одеялом и не
вылезать, пока стыд не съест меня целиком.

— Снова сталкерил? — Выдохнула я, пытаюсь отгоро-
диться шуткой.

— Похоже, это моя судьба, — он пожал плечами и улыб-
нулся шире, но глаза оставались серьезными.

— И я наблюдала за тобой из окна ада, — признание вы-
рвалось с такой легкостью, о которой я уже забыла. — Пока
мне это позволяли.

— О, тогда я тоже буду называть тебя извращенкой, —
рассмеялся он.

И все вынужденное напряжение, все прошлые кошмары

почти растворились в теплой волне его смеха. Я закрыла глаза и наконец позволила себе прикоснуться к нему. Он шумно втянул воздух, когда моя рука едва дотронулась до его груди.

— Больно?

Я тут же отстранилась, вспоминая, как в прошлой жизни из-за моей беременности мы стали несовместимы. Вдруг, он до сих пор чувствует боль, потому что я никогда не очищу свою душу.

— Ну нет, — усмехнулся он, — мне точно не больно.

Его взгляд потемнел и черные зрачки расширились почти поглотив небесную синеву радужек.

Вот и все.

Крах.

Прозрение заморозило все внутренности, превратив кровь в сосульки. Это снова демон! Та же игра в счастье, та же изощренная пытка надеждой!

Паника хлестала волнами, подавляя разум, заставляя ноги бежать. Я рванула с кровати и вылетела в коридор. Позади нарастал его крик, но что он говорил, я уже не могла разобрать. Футболка зацепилась за ручку двери ванной, и я, с силой дернув, ввалилась внутрь, закрывая замок и прислоняясь спиной.

Глаза лихорадочно забегали по комнате, выискивая хоть что-то острое, любое оружие против него, против себя, против этого кошмара.

— Я больше не полечу вниз! — Отчаянный крик заложил

уши. — Больше не полечу!

Больше не полечу! Больше не полечу!

Прятаться в ванной не было смысла, он проникнет куда угодно. Я подскочила к зеркалу, схватила тяжелую каменную мыльницу и вложила в удар все оставшиеся силы. Стекло взорвалось слюдой трещин, и в осколках отразилась моя реальность — кровавая каша вместо лица и тело, собранное из кусков на скорую руку.

Глава 11. Подарок

Тик-так. Тик-так.

Я сидела на холодном полу ванной среди осколков зеркала, сжимая в пальцах самый острый из них, и ждала.

Либо он, либо я.

Больше не полечу вниз.

С руки на кафель медленно капала кровь, ладонь саднило от пореза слишком уж по-настоящему. Но все равно игра. Паника выдохлась, оставив место бесконечному осуждению.

Как? Как я могла решить, что смогу вернуться из мертвых? Что я достойна начать все сначала?

Острый край осколка уперся в щиколотку, оставив еще один тонкий порез. Алая струйка тут же выступила и потекла по коже.

Щиколотка...

Она не болела! Боже, какая я непроходимая дура! После стольких падений все еще надеялась на реальное счастье?

Я переложила осколок в другую руку и сжала его еще сильнее, ощущая, как стекло впивается в плоть. Две раны вместо одной.

Что будет, если я еще раз себя убью?

Осколок гулял где-то в районе горла.

Что, если самоубийство в аду не станет очередным возродением? Что, если на этот раз моя душа не выдержит и

рассыплется в прах? И я наконец исчезну.

— Рина, — его голос за дверью прозвучал негромко, но так внезапно, что я вздрогнула.

Осколок отскочил от горла, проехался по груди, оставив тонкую кровавую черту, и свалился на пол.

— Я захожу.

Дверь подалась под его напором без усилия.

Когда замок для демонов что-то значил.

Я схватила осколок двумя руками, зажала его между коленями для упора и нацелила на него дрожащее лезвие. Он без колебаний опустился напротив, подставив грудь под острие:

— Если хочешь резать — режь меня. — Осколок скользнул по ткани футболки, оставив на его коже тонкую алую полоску. — Ты ранена. Я буду обрабатывать твои раны. Хорошо?

Я вглядывалась в его небесные глаза, пытаюсь найти в них хоть намек на обман, но видела только спокойную уверенность. Он вынул из шкафа аптечку, разлил антисептик на бинт и принялся осторожно промокать следы крови на моих руках. И все никак не превращался в демона...

Надежда медленно расправила плечи и мир почти встал на место, мешало только одно:

— Почему моя щиколотка не болит?

— Потому что из-за этой... нечеловеческой сути во мне, — он вздохнул, будто на его плечи опустилась тяжесть всех миров. — Я могу воскрешать души и, как оказалось, восста-

навливать тела.

Частица Бога?

Почему он не называет вещи своими именами? Но даже эта осторожная откровенность заставила надежду внутри меня светиться самодовольной улыбкой.

Пусть улыбается, пока может...

— Значит, я уничтожаю души, а ты их восстанавливаешь?

Он молча кивнул, его пальцы уже обрабатывали порез на моей груди. Раны и правда переставали кровоточить, края будто стягивались сами собой на глазах.

— Если можешь, расскажи, что спровоцировало панику.

— Он поднял взгляд на меня. — Чтобы я знал и не повторял ошибок.

— Твои глаза... — я прикусила щеку, стараясь переключить боль. — В аду демоны притворялись тобой, разыгрывали сотни счастливых сцен, чтобы потом лишить надежды. — Пальцы потянулись к губам, нащупывая шершавую кожу. — Но они никогда не могли подделать твои глаза. А сегодня они стали почти черными... Когда зрачки расширились... мне показалось, что я снова в аду.

Он неожиданно выдохнул — не со злостью, а с облегчением:

— С этой реакцией я вряд ли справлюсь. — Ком в моем горле уже воскрес, ожидая худшего, но он тут же продолжил. — Мои зрачки всегда будут расширяться, когда ты касаешься меня. Я люблю тебя, и это невозможно изменить, моя кра-

сивая девочка.

Щеки мгновенно вспыхнули, ноги приготовились сбегать, и я развернулась к двери. Но он мягко, но твердо вернул мое лицо к себе.

— Поэтому в следующий раз если тебе не понравятся мои широкие зрачки, просто... укуси меня. Обещаю, они сразу вернуться на место.

Давид поднялся на ноги и тут же, легко и привычно, подхватил меня на руки.

— К слову о цвете глаз, — мы вышли в гостиную.

Яркое, почти весеннее солнце заливало комнату слепящим светом, играя бликами на полу. Он усадил меня на диван и опустил на корточки у моих коленей. В его руках уже была небольшая коробочка.

— С днем рождения, — его губы едва коснулись моих ладоней, а затем вложили в них коробку.

Я несмело улыбнулась и аккуратно потянула вверх, крышечка резко раскрылась до упора. На бархатном ложе внутри лежала идеальная капля — необработанный изумруд, повторяющий форму слезы.

— После нашей первой встречи твои глаза вытеснили все остальное, — его голос прозвучал хрипло. — Этот нереальный изумрудный цвет... Я искал камень, который сможет его повторить. Но не нашел. Потому что он уникален. Как и ты.

Он взял кулон и аккуратно протянул цепочку через застежку. А затем также аккуратно опустил цепочку мне на

шею. Холодный камень коснулся кожи, но почти сразу согрелся от ее тепла.

— Это не просто украшение. Это — напоминание. О том, что даже в самые темные времена есть тот, кто видит в тебе этот свет. И всегда будет видеть.

Глава 12. Ответы

— Мне нужны мои ножи.

Следующая волна паники накрыла меня в душе. Я еще наслаждалась теплом воды и тяжестью изумрудной капли на шее, как вдруг пол под ногами дрогнул и поплыл. Сквозь шум пробивался навязчивый шепот демонов, обещавших прийти за мной, а в щелях между плиткой шевелилась знакомая тьма, стараясь поглотить реальность.

Я выскочила из душа, наспех обмотавшись полотенцем, и повторила громче, почти выкрикивая:

— Мне нужны мои ножи!

Давид пристально посмотрел на воду, стекающую с моих волос на пол, и молча вышел из дома.

Я осталась стоять посреди гостиной в постепенно растущей луже, в полной растерянности. Но он вернулся быстро, держа в руке ножны.

— Ты помылась? — Он подошел ближе, протягивая оружие, и в голосе снова не было ни упрека, ни жалости — лишь спокойная готовность прийти на помощь.

Я замотала головой, не в силах что-то сказать.

— Тебе помочь? Если нужно, закрою глаза.

Его предложение прозвучало так просто и естественно, что новая волна страха отступила, не успев набрать силу. Мысль о том, чтобы раздеться перед ним, была невыносима.

мой. Может, он и считал, что любит меня, но после всего, что мы творили с Азом...

А он видел...

Я запятнана...

— Пока попробую с ножами, — выдохнула я, почти выхватывая ножны из его рук, и поспешила укрыться в ванной.

Через полчаса, наконец чистая, в сухой одежде и с клинками, привычно лежащими на бедрах, я вернулась в гостиную. Он сидел на подоконнике, наблюдая, как разбушевавшиеся волны яростно бьются о берег, пытаюсь достать до самого дома.

— Давид, — тихо позвала я его, впервые назвав по имени. Его настоящего. На глаза навернулись слезы и отчаянно захотелось кричать, как сильно, до боли в сердце, я люблю его. Но вместо этого выдохнула, — Ты воскресил мою душу?

Он просто кивнул, не отрывая взгляда от шторма, словно не желая копаться в этой боли. А у меня внутри роились сотни вопросов, но самый страшный так и остался бы невысказанным:

Видел ли он меня там, разобранную по кускам?

— Иди ко мне, — он достал подушку из-под спины и положил напротив себя, приглашая на подоконник. — Если тебя волнует, какой я тебя видел там... — он начал отвечать на самое страшное, и я замерла, — то демонов, пытавших тебя, больше не существует. Ни в этом мире, ни в их аду. Просто помни об этом, когда в следующий раз их крики будут зву-

чать у тебя в голове.

— Откуда знаешь, что у меня в голове? — Паранойя уже вцепилась в мозг, и он почти капитулировал.

— Ты поселилась в моей голове вместе со своими мыслями. Так что я не виноват. — Он нагло ухмыльнулся, но продолжил уже серьезно. — Я настроен на тебя физически, ментально, эмоционально. На всех уровнях, которые только существуют.

Я осторожно села напротив, подложив подушку и протянув ноги между его коленей. Холод стекла чувствовался даже через одежду, но его близость согревала сильнее любого солнца.

— Сколько тебе лет? — Я задала самый обычный вопрос, надеясь отвлечься от сверхъестественных тем. Мы прошли через ад и рай, но не знали друг о друге простых вещей.

— Когда я умер, было тридцать три. — Он снова отвел взгляд к окну, будто ища в бушующем море силы. — Все сыновья бога умирали в этом возрасте.

— Сыновья? — Эхом повторила я, отказываясь верить услышанному. — Ты... Божий сын?

Слова прозвучали так громко, что вся вселенная замерла, пытаюсь их вместить.

— Это неважно, — резко отрезал он, и в его голосе впервые прозвучала сталь. — Я все равно отрекся от него... Но теперь мне будет всегда тридцать три.

Он наконец повернулся ко мне, во взгляде читалась тяже-

лая решимость — сказать все до конца. И через пару ударов сердца произнес:

— Как и тебе... теперь всегда будет двадцать семь.

Глава 13. Целуй

— И как давно ты это знаешь? — Я вскочила с подоконника, запуталась в его ногах и едва не рухнула на пол. — Как долго ты планировал скрывать от меня такое?

Он открыл рот, чтобы ответить, но внезапно стало так страшно от того, что и с ним будет как с Азом.

Вечная ложь.

— Молчи! — Крик вырвался сам собой, и ноги бросились прочь.

В прихожей я резко затормозила, чтобы накинуть хоть что-то. На крючке висела моя куртка. Та самая, что принес Аз. Та, в которой я ездила в город Дона. Воспоминания нахлынули с удвоенной силой, тошнота подкатила к горлу, но я сжала зубы.

Хорошо, что хоть Дон мертв навсегда и не восстанет из прошлого.

Я схватила куртку и выскочила за дверь. Ледяной ветер раскидал волосы и моментально забрался под футболку, пробирая до костей. Я неслась вдоль берега к яростным волнам, пытаюсь зашвырнуть подальше эту сраную куртку. Но прибой, словно насмехаясь, раз за разом возвращал ее к моим ногам.

Чего я ждала? Что можно так просто вышвырнуть воспоминания и забыть? Даже море шипело у ног, в раздражении

выплывавая на берег доказательства моей глупости.

Я с силой пнула куртку ногой и швырнула подальше от воды. Он неслышно подошел сзади, укутав в свое пальто. Теплое, пахнущее им и зимним соленым ветром. Его аромат тут же окружил меня, и страх обернулся затравленным зверем, залезая в самый дальний угол души.

— Ты же не планировал скрывать? — Прошептала я, уже понимая, что отреагировала слишком истерично.

— Обожаю твою эмоциональность, — его хриплый голос прозвучал прямо над ухом, пробуждая тысячи мурашек в волосах. — Не скрывал. Просто не успел сказать раньше.

Его руки крепко обняли меня, а я подняла голову, рассматривая четкую линию его прекрасных губ.

— Думаешь, нужно было шокировать тебя сразу, как только очнулась? — В его голосе проскользнула легкая улыбка. — Привет, родная. Ты воскрешена. Я божий сын, и теперь мы с тобой бессмертны. Как твое самочувствие?

Мое сердце, не успев перевести дух, снова сорвалось в бешеный галоп.

— Бессмертны?

Одно дело — застрять в том же возрасте. Совсем другое — принять, что твое существование не имеет конца. С моей жизнью бессмертие легко обернется проклятием.

— Если ты снова побежишь, — его голос опустился еще ниже, — я тебя догоню. И на этот раз не стану удерживаться, чтобы поцеловать.

Под натиском его обещаний вся дурь из головы мгновенно выветрилась. К чертям собачьим это бессмертие — разберемся с ним позже.

— Целуй, — потребовала я, и мой возбужденный голос прозвучал хрипло, без намека на мелодичность.

Я притянула его за футболку, прекрасные губы почти коснулись моих, пробудив давно забытое, нестерпимое желание. В его небесных глазах плескалась буря чувств — от осторожной нерешительности до всепоглощающей страсти.

И страсть победила.

Он наклонился мучительно медленно — легкое, пробное прикосновение, будто проверяя, не рассыплюсь ли я от первого же настоящего ощущения.

Не рассыталась...

Я подалась навстречу, и его губы наконец растворились в моих. Он не торопился, позволяя привыкнуть к каждому движению, каждому вздоху. Один единственный вкус — и все внутри ожило, затрепетало...

Тело пело, но мозг...

Мозг выл сиреной, призывая остановиться. Иначе...

Я никак не могла понять, почему. Его язык ускорял ритм, сводя с ума, призывая разум сложить полномочия. Сдавленный стон сорвался с его губ прямо в поцелуй, и волна дрожи прокатилась под самой кожей. Я ухватилась за его плечи — единственный якорь, удерживающий меня от полного растворения.

Поцелуй перерос в яростный шторм, вышедший из-под контроля. Я задыхалась, исчезала, теряя границы, захлебываясь его жаром. Его любовью.

Мои пальцы сами собой зарылись в его волосы, по старой привычке ища тот самый пучок у затылка...

Стыд накатил внезапно и беспощадно. Я замерла, резко оторвавшись от его губ.

Какой позор! Именно сейчас мне потребовалось вспомнить Аза.

— Я не могу, — прошептала я, опуская веки лишь бы не видеть отражения своего предательства в его глазах.

— Я не требую. — Его голос звучал без тени упрека. — Спасибо, что напомнила, как это... прекрасно.

Глава 14. На краю

— Считаешь, что вечность со мной — это приговор? — Он спросил так беззаботно, словно между нами не возникало никакой напряженности.

К полуночи этого бесконечного дня я все-таки выползла из комнаты. И то лишь потому, что голод уже сожрал желудок и добрался до печени, а совесть тем временем обгладывала последнее, что еще напоминало душу.

— Я надоем тебе, не пройдет и года, — буркнула я, не решаясь сказать вслух, что не стоит держаться за предательницу.

Между нами всегда будет Аз.

— Я не ощущаю Аза между нами, — он уже разложил по тарелкам ужин. — Осталось тебе перестать его чувствовать.

От этого его признания стало еще паршивее.

— Почему ты такой... всепрощающий? Идеальный?

— Может, потому, что ты меня не знаешь? — Он пригласил меня жестом за стол. — Я точно не идеальный.

Я лишь закатила глаза, уже жуя что-то божественно вкусное. Когда тарелка опустела, а чай был допит, я все-таки решилась задать этот вопрос:

— Что означает бессмертие? Нас не могут убить?

— Могут. — Просто ответил он. — Но проблема в том, что ни рай, ни ад нас больше не примут. Поэтому мы будем

воскресать заново.

— Почему не примут? — Снова эти сверхъестественные темы обнажали всю ограниченность моего интеллекта.

— Отвечу, если... — Он сделал паузу, глядя мне прямо в глаза. — На самом деле у меня три условия.

Улыбка тронула уголки его идеальных губ, и я снова таяла, готовая согласиться на все, что он назовет.

— Ты наконец перестанешь себя грызть, — он придвинул стул вплотную ко мне и принялся загибать пальцы, — посмотришь в свое отражение. И разрешишь просто спать с тобой в одной постели.

— Только спать, — уточнила я, пропустив мимо ушей первые два условия.

— Только спать, — повторил он с легким кивком, и его пальцы мягко скользнули по моей щеке. Я вздрогнула, хоть и казалось, что уже привыкла к его прикосновениям. — Видишь? Мне нужно, чтобы это прекратилось. Все остальное подождет.

Его рука осталась на моей коже, слегка поглаживая скулу.

— Но по правде... — голос опустился до бархатного шепота, полного невысказанных намеков. — Хочу знать, что ты дрожишь, когда я рядом. Но не от страха... — Его лицо оказалось так близко, что я почувствовала дыхание на своих губах. — А от желания.

Я смотрела в его потемневшие глаза, затаив дыхание и пытаясь не сбежать от накатывающей паники. Взгляд метался

со зрачков на зубы, выискивая малейший признак подмены, обмана. Пальцы уже потянулись к ножнам...

На всякий случай...

— Кусай, — выдохнул он, и я тут же вцепилась ему в плечо.

О чем мгновенно пожалела. Он резко вздрогнул, тело напряглось, и руки вцепились в край стола. Под тонкой тканью его футболки тут же расплылось темное бордовое пятно.

— Прости, — мои губы едва шевельнулись, а взгляд прилип к растекающейся крови.

— Я настоящий? — Его голос прозвучал сквозь туман поплывшего сознания.

Я молча кивнула, отпуская ножи и сжав пальцы покрепче, скрывая дрожь.

— Тогда это того стоило, — он коснулся пальцами своего плеча, — заживет.

А я наконец разревелась. Слезы текли ручьями, разъедая всю скопившуюся боль, ужас и это тошнотворное чувство вины. Я плакала о нем, о себе, и даже об Азе — обо всем, что рвало меня на части изнутри.

— Пожалуйста, брось меня, — выдавила я сквозь спазмы рыданий. — Просто уйди! Я лучше буду бесконечно одинока, чем снова и снова проживать этот кошмар, давая тебе ложную надежду, что когда-то исцелюсь.

Дышать становилось все тяжелее, я впиалась ногтями в шею, чтобы хоть как-то протолкнуть этот чертов кислород.

— Я никогда не исцелюсь! Никогда, понимаешь? Меня сломали! Чинить нечего!

Мир сузился до мутной, пляшущей точки. В ушах нарастал пронзительный звон, и я уже не слышала, что он говорит...

В следующий миг мы оказались на улице.

— Давай, родная! — Сквозь гул в голове еле прорывался его крик. — Просто говори, что ты видишь. — Он развернул меня и притянул спиной к себе, его руки крепко держали плечи. — Ты помнишь правила!

— Море, — просипела я, заставляя глаза сфокусироваться. — Чайки. — В горле першило, а вставший намертво ком обещал остаться там навсегда. — Песок...

Воспоминания о нашей последней встрече вдруг перекрыли все страхи, и я забилась в его объятиях, пытаюсь вырваться. Он тут же разжал руки, отступив на шаг.

— Я не буду продолжать! — Животный ужас разогнал кровь до предела и сердце принялось колотить по ребрам, умоляя прекратить. — После всего этого в прошлый раз ты... умер!

Умер...

Слово, которое не вмещалось в реальность, зависло в воздухе. Я была готова на все — на вечный ад, на боль, на искалеченную душу. Но не на его смерть.

— Пожалуйста, больше не бросай меня! — Звуки сорвались с губ, не спросив разрешения. Я смотрела в его глаза,

полные слез. Или это мои застилали мир, растворяясь в соленом ветре. — Только не уходи! Я больше этого не вынесу! Не вынесу...

Разум не выдержал даже мысли об этом, и мир перестал существовать.

Глава 15. Рассвет

Только не уходи...

Я пришла в себя, когда он уже нес меня в спальню. Пальцы инстинктивно вцепились в его футболку, и я почти мгновенно провалилась в сон, положив конец этому бесконечному дню.

Глаза распахнулись вместе с рассветом, подхватывая первые лучи солнца, робко выглядывающие из-за горизонта. Давид спал в кресле, придвинутом к открытой двери моей комнаты. Я аккуратно, стараясь не задеть, проскользнула мимо и вышла в гостиную.

Вчерашняя истерика, помимо опустошающей боли, принесла и ясность: я сделаю все, лишь бы он остался рядом. А значит, пришло время исполнять обещанное.

Зеркало, висевшее на стене у входа, было заботливо завешено им, чтобы я не пугалась, проходя мимо. Кончики пальцев нащупали край покрывала и замерли в нерешительности.

Что я увижу? Все что они могли мне показать, я уже пережила. И пусть этот сраный ад подавится собственной желчью, рыча от бессилия.

Они не сломали меня!

Я потянула ткань вниз, и она с тихим шелестом легко сползла на пол. Поднимать глаза оказалось куда сложнее.

Не сломали!

Взгляд медленно пополз вверх, задерживаясь на тех местах, где должны были остаться шрамы от соединения разорванной плоти. Но мое тело оказалось целым, а кожа — ровной и гладкой. Лицо тоже было на месте, а в глазах исчез черный цвет Аза. словно и не прошел целый год. словно я опять стояла на пороге психиатрической больницы, разглядывая свою излишнюю худобу.

Ни следа?

Я вспомнила про шрамы на спине — последствия выхода демонской сути точно не могли исчезнуть. Быстрым движением скинула футболку, оставшись в одних шортах, и развернулась к зеркалу спиной.

— Шрамы на месте, — Давид стоял у входа, опершись о дверной косяк.

Я вздрогнула, поспешно прикрывая грудь снятой футболкой, и присмотрелась к отражению — он был прав. Сколько убитых демонов прошло через мое тело? Вся спина от шеи до ягодиц была исполосована рваными, но давно побелевшими шрамами, словно прощальный узор, оставленный на память Азом.

Чтобы помнила...

— Ты подглядывал! — Я развернулась к нему с упреком, сильнее прижимая футболку к груди.

— Ты лишила меня возможности увидеть твою первую победу, — ухмыльнулся он, — поэтому я выбрал для просмотра нечто... не менее захватывающее. В качестве ком-

пенсации.

Я подавилась возмущением, не зная, что и ответить.

— Грызть себя перестала? — Он не сводил с меня глаз, и даже футболка внезапно показалась прозрачной.

Я лишь молча кивнула. Щеки полыхали костром смущения, и лицо уже подгорало, издавая дымок собственного позора.

— В отражение посмотрела. — Неторопливо перечислял он, наслаждаясь моим стыдом. — Теперь идем в постель.

— Я уже выпалась, — выпалила я слишком поспешно, отступая на шаг.

— Ну нет, — он неизбежно приближался, как рассвет за окном, постепенно затмевая все вокруг своим существованием, — Ты проспала всего три часа. Мы идем в постель.

Его пальцы скользнули по обнаженной коже моей спины, проведя по шрамам так легко, что по телу пробежала мелкая дрожь — на этот раз точно не от страха.

— Просто спать, — небрежно повторил он.

Я выдохнула — то ли с облегчением, то ли с досадой — отвернулась и наспех натянула футболку.

Оказывается, засыпать с ним прекрасно. А просыпаться — высшая степень блаженства. Когда весь мир сужается до тепла его руки на моей талии, до ритма его дыхания у меня на затылке.

Мы впервые просыпались вместе...

Солнечный свет робко дрожал, освещая пылинки, танцующие в воздухе. Снова рассвет.

Прошли сутки?

Я прикрыла глаза, стараясь продлить этот миг. Его рука внезапно потяжелела, притягивая меня ближе.

— Проснулась? — Его голос был хриплым, разбитым сном.

Я лишь кивнула, боясь спугнуть хрупкое совершенство этого утра. Он зарылся носом в мои волосы, шумно втягивая воздух, и вдоль всего позвоночника пробежался табун счастливых мурашек.

— Кажется, я все-таки заслужил круглосуточный доступ к твоему аромату, — его голос, густой и темный, пророкотал у самого уха.

Мое тело непроизвольно выгнулось, тут же встретившись с его возбуждением, и я резко отпрянула. Он и не держал.

— Ты же помнишь, если сбежишь... — он сделал паузу, давая прочувствовать всю серьезность своего обещания. — Я тебя догоню.

Я выскочила из его объятий, сев на край кровати спиной к нему. Возмущение пылало во мне не меньше смущения — он слишком легко читал мои желания.

— Я не сбегаю, — воздух между нами плавился, заставляя рвано дышать. — Мне просто нужно в ванную.

— Ну тогда беги... — он продолжал провоцировать, — в ванную.

— Боже, Давид, — я развернулась к нему, о чем тут же пожалела. Его взгляд обещал медленное, сладкое и бесконечно желанное погружение в огонь страсти. — Я так скончаюсь от... возбуждения.

— Я тебя воскрешу, — уголок его рта дрогнул, сдерживая ухмылку, — и мы продолжим на том месте, где остановились.

Я не выдержала, и засмеялась. Смех вышел робким, словно не верил сам в себя, и тут же захлебнулся в чувстве вины. Руки автоматически подхватили ножи с тумбочки, и я все-таки сбежала в ванную, щелкнув замком.

Он и не догонял.

Глава 16. Тренер

— Теперь ты мне должен, — час спустя я выключила воду и обернулась к нему, вытирая руки. Душ, завтрак и монотонная уборка вернули душевное равновесие.

Он отодвинул стопку чистых тарелок, готовых отправиться на полки, и пристально взглянул на меня, словно искал между слов скрытый смысл.

— И что же хочет моя красивая девочка? — Произнес он медленно.

Я тут же отвернулась, сгорая от смущения. Память услужливо подкинула обрывки прошлого — того, чем закончился этот диалог... в той жизни. Пальцы сами потянулись к тарелкам, надеясь успокоить дрожь хоть каким-то знакомым действием.

Точно свихнусь...

— Ты мне должен ответ, — прозвучало тверже, чем хотелось бы.

Он лишь усмехнулся и потянул меня за руку к дивану.

— Почему нас не примет, ни ад, ни рай? — я устроилась рядом, поджав под себя ноги.

— Ты не можешь попасть в рай из-за того, что решила... прыгнуть с крыши. — Он не стал называть вещи своими именами, боясь причинить мне боль. — Ад больше не захочет тебя. Иначе приду я и спалю всех окончательно. — Его паль-

цы сомкнулись на моих запястьях, притягивая меня еще ближе. — Тем более, что теперь мне известна дорога.

Я впитывала каждое слово, в напряжении вгрызаясь в нижнюю губу, но Давид замолчал.

— У тебя кровь, — произнес он с преувеличенной строгостью, но в глазах плясали искры, — мне, конечно, нравится, как ты кусаешь губы. И это возбуждает не меньше, чем твое обнаженное тело. Но я хочу целовать тебя в целые губы.

Страсть между нами вспыхивала мгновенно, и с каждым разом полыхала все яростнее. Если в конце концов мы не переспим, мир треснет пополам от этого напряжения.

Только была ли я готова?

Я вытерла ладонью кровь, пытаюсь скрыть учащенное дыхание, и он продолжил.

— Я не могу попасть в рай, потому что отрекся от него. А что касается ада... — он пожал плечами, словно говорил о чем-то неважном, — Ад чувствует себя ужасно, когда я там нахожусь. Демоны рассыпаются в прах просто от моего присутствия. Я им там точно не нужен.

Его пальцы мягко провели по моей щеке, стирая остатки крови.

— Почему тогда... Аз не рассыпался рядом с тобой?

— Потому что он хоть и падший, но ангел. И никогда не был демоном.

— Ты видел его после... моей смерти? — прошептала я. Когда-то этот вопрос должен был прозвучать.

— Нет. Хотя я молил его помочь тебе. Показать мне дорогу в ад. — В его глазах на мгновение мелькнула тень той невыносимой боли, которую я видела через окно ада. Но он легко переключился на меня. — Ты съела губу, Рина, оставь немного мне.

А я застряла в обиде. Аз — козел. Получил, что хотел, и исчез. Наврал, искалечил судьбу и просто... бросил.

— Ты же не станешь... врать мне? — Я отчаянно нуждалась в гарантиях, произнесенных вслух.

— Не стану, — просто ответил он.

Но в воздухе висела недосказанность, я чувствовала ее всем своим существом. Что-то важное оставалось за кадром, и чтобы это разглядеть, нужно было время и правильные вопросы. А думать у меня всегда получалось лучше всего во время бега.

— Я планирую восстановить пробежки, — твердо заявила я.

Он лишь кивнул, внимательно наблюдая за мной.

— И тренировки, — вторая фраза прозвучала уже не так уверенно. Как робкое эхо первой.

Я не знала, как Давид отнесется к этому, учитывая, что борьбе учил меня Аз, но он натянул на лицо маску полнейшего равнодушия.

— Хочешь, чтобы я тебя тренировал?

Я выдохнула с облегчением. Он как всегда реагировал идеально.

— Ты... умеешь?

Конечно, он выигрывал своими размерами, и его мышцы — упругие, рельефные и будто созданные, чтобы вызывать восхищенный трепет, — говорили сами за себя. Но дело было не только в физической силе. Во мне жила жестокость, бушевавшая на грани безумия. И каждый раз именно она приносила победу — горькую, кровавую, но безоговорочную.

— Вот сейчас и выясним, кто из нас будет тренером, — он первым поднялся с дивана и протянул мне руку. — Готовься к тому, что я не стану с тобой церемониться. — В его взгляде сиял чистый вызов, от которого подкосились колени. — Но обещаю. Тебе понравится.

Глава 17. Солидарность

— Только останови меня, если потеряю... контроль. — Я продолжала копаться в шкафу в поиске теплых спортивных брюк.

Оказывается, я вернулась к жизни там же, где и умерла — на крыше столичного небоскреба. Чтобы оградить меня от тяжелых воспоминаний, Давид привез сюда — к морю, прихватив с собой лишь минимум вещей. Но даже одежда назойливо возвращала в прошлое.

Я накинула толстовку, в которой тренировалась с Азом и наконец отыскала брюки.

— Тебе не будет жарко? — Давид стоял слишком близко, опираясь плечом о шкаф, и мне уже было жарко.

— На улице первый день весны. — Я пожалала плечами.

— Мы будем заниматься здесь, в подвале. — Он развернулся ко мне спиной. — Переоденься во что-то легкое.

— В подвале? — Я скинула толстовку, оставшись в спортивном бра и шортах.

— Когда-то я там тоже восстанавливался, — его голос отозвался глухим эхом из другого времени.

Он замолчал, и я не настаивала на продолжении, чувствуя, как прошлое так же настигает его без спроса.

Дверь в подвал скрывалась под лестницей, в том самом углу, куда я никогда не заглядывала. То, что оказалось внутри,

заставило меня остановиться. Полноценный тренировочный зал. В центре ринг с грушей, вдоль стен — силовые тренажеры, штанги, гантели, а в дальнем углу — беговая дорожка, диван и телек.

— Разогреться будешь? — Его дыхание обожгло мой затылок, моментально поднимая температуру тела до пылающей. — Или сразу в бой?

— Уже перегрелась, — буркнула я и перелезла через канаты ринга.

Я наблюдала, как он не спеша шел к противоположному углу, стягивая по пути футболку. И поплыла.

— Так нечестно! — Слова снова вырвались без разрешения, обнажая все, до последней тайны.

— Видела бы ты свою... задницу в этих шортах. — Он усмехнулся, заходя на ринг и выдвигая грушу за пределы поля. — Я лишь уравнивал шансы... И у меня условие.

Я облегченно хмыкнула — у него всегда получалось вовремя разряжать обстановку своими многочисленными условиями.

— Три раунда. — Его наглая улыбка трещала от самодовольства, будто он только что сорвал джекпот, о котором я даже не подозревала. — Проигравший в каждом раунде снимает одну вещь.

— Но мне нечего снимать! — Я оценила свой наряд и наконец поняла, почему он так настаивал на легкой одежде.

— Тогда не проигрывай. — Он оттолкнулся от канатов

мне навстречу. — Раунд.

Паршивец!

Но он зря снял футболку, за две победы я его оставляю в чем мать родила. Шорты, трусы... Неуместный жар волной прокатился по коже.

— Уже представляешь меня обнаженным? — Его голос вновь потемнел, стал густым и хриплым, и каждый слог отзывался внутри.

Отвечу — и прощай контроль.

Я бросилась вперед, имитируя удар в печень, но в последний момент ушла в низкую подсечку. Он увернулся с неприличной легкостью, чем только распалил мою злость. Я крутанулась, пытаюсь достать до горла, но он парировал движение одним лишь взмахом запястья, отбрасывая мою руку прочь.

— Твой любимый удар, — произнес он, и в его улыбке появилось что-то хищное. — Эффективный... когда горло открыто.

Я только крепче сжала кулаки и принялась кружить вокруг него. Он же стоял неподвижно, даже не утруждая себя следить за моими движениями, и его бесконечная самоуверенность начинала бесить.

Резко повернувшись, я нацелилась пяткой под колено, но он снова уклонился с уже пугающей легкостью, ловя мою ступню. Я рухнула спиной на маты. Удар выбил весь воздух из легких, и прежде, чем успела опомниться, он оказался сверху, надежно фиксируя в захвате мои конечности.

— Я знаю все твои грязные приемы, Рина, — прошептал он, и его горячее дыхание коснулось моего уха, заставив судорожно вдохнуть. Я попыталась вырваться, но его хватка превратилась в железную, в то же время оставаясь удивительно мягкой. — Считать или сдаешься?

Черт. Черт! Дьявол!

Жар побежал от лица вниз, когда он опустил лицо еще ближе, и его губы застыли в сантиметре от моих.

— Раз, — медленно начал он. — Два.

— Сдаюсь, — отчаянно прошипела я.

Он тут же отпустил меня, поднялся и протянул руку. Я проигнорировала жест, вставая самостоятельно, и замерла в ожидании приговора.

— Уже выбрала, что снимешь в первую очередь? — Томно проговорил он.

— Уже выбрала, — тем же тоном пропела я, меняя тактику. Если сила не работает, заберу победу женской слабостью.

Повернувшись к нему спиной, я с притворной небрежностью начала снимать шорты. Ткань медленно скользила вниз, обнажая кожу. Тело прогнулось сильнее, ладони прошлись по ягодицам, и шорты упали к щиколоткам. За спиной раздался резкий выдох, и я удовлетворенно улыбнулась. Перешагнув через одежду, и легко поддев ее стопой, скинула с матов.

Но когда я повернулась, он уже взял себя в руки и глядел с вызовом, будто ждал продолжения.

— А знаешь, я решил проявить... солидарность, — и с этими словами снял свои шорты, отбросив их за ринг.

Я смотрела на его возбуждение, едва сдерживаемое тканью трусов и с отчаянной ясностью понимала: одно прикосновение — и мы уже не сможем остановиться.

Но сейчас мое тело жаждало этого как никогда — стереть все границы, забыть, где заканчиваюсь я и начинается он. А мое израненное сердце и недобитая душа умоляли хотя бы на мгновение почувствовать его снова...

Вспомнить мой смысл...

Глава 18. Еще сильнее

— Я. Хочу. Тебя. — Слова обнаглели совсем, полностью разрывая связь с контролем. Я медленно двинулась к нему, боясь спугнуть хрупкую, только что родившуюся уверенность.

— Я твой, — прошептал он, застыв на месте. Давая мне время и пространство для отступления, если запаникую.

И за это я любила его еще сильнее.

Ноги ускорились сами, и уверенность расправила плечи, а надежда... Надежда рыдала от счастья, смывая последние следы сомнений.

— Моя девочка, — выдохнул он с облегчением, когда я коснулась его груди. Ладонь скользнула ниже, к резинке трусов. — Ты победила.

— Значит, могу снять с тебя последнее? — Голос дрожал от желания, и руки дрожали в такт, пока я избавлялась от ненужной преграды.

— Здесь и сейчас? — Хрипло произнес он, стягивая лямки бра. — Или через минуту в постели?

— Минута — это слишком долго. — Пробормотала я, встав на носочки и прикусывая его нижнюю губу. — Больше никаких отсрочек.

Он опустился на колени, и его губы коснулись моего живота — горячие, влажные, любимые. Пальцы зарылись в его

волосы, пока он медленно, почти мучительно, избавлял меня от последнего клочка одежды. Его руки потянули вниз, а губы не прекращали целовать — живот, грудь, шею, неизбежно наращивая силу и темп. И я уже лежала на мате, а он целовал меня так, словно это лучшее занятие на свете.

Его пальцы скользили по обнаженной коже — не спеша, с трепетом — и я вновь оживала, дышала полной грудью.

И от этого любила его еще сильнее.

— Не закрывай глаза, — прошептал он, лаская дыханием кожу, в то время как его тело медленно сливалось с моим. — Смотри на меня, Рина.

Я тонула в бездне его небесных глаз, пока он погружался глубже, срывая с моих губ тихие вдохи. Мир остался в этом взгляде, шепоте... В трепете, что рвался из груди.

— Моя, — в его голосе звучало обожание, смешанное с жадной, — Вся моя... Такая хрупкая и такая сильная.

Он смотрел на меня сквозь все барьеры, страхи, шрамы — прямо в свет, что тлел в самой глубине души.

— Давид... — Мое дыхание прерывалось, а слова звучали почти как мольба. — Пожалуйста... Всегда так смотри на меня...

Я не отводила взгляд даже, когда его собственные глаза застилал туман страсти, и он двигался все стремительнее, каждым толчком срывая с моих губ громкие стоны.

— Как же ты прекрасна... Так идеальна... — Его слова проникали под кожу, растекались по венам и лечили мое раз-

битое сердце. — Моя девочка...

Он не отводил взгляд даже, когда в моих глазах взрывались звезды, заливая все вокруг сиянием того самого голубого оттенка, что я боготворила.

Он любил меня любой — сломанной и исцеленной, темной и сияющей. Принимая всю мою суть без остатка.

И поэтому я любила его еще сильнее.

Глава 19. Признание

Я проснулась в постели голышом, но заботливо укутанная одеялом. Солнечный свет все еще ярко лился в окно, беспечно освещая пустую половину кровати.

Одна?

— Давид, — его имя вырвалось громче, чем следовало. Но в ответ лишь противная тишина.

Я одна.

Ноги сами вынесли меня с кровати, пальцы нащупали на кресле его футболку, а мозг отчаянно пытался уговорить сам себя не поддаваться панике. Я натянула ее и вышла в гостиную. Проверила его комнату, ванную и даже заглянула в подвал.

Я одна!

Безжалостная память уже напомнила: мое счастье всегда умирает, пока я сплю.

— Давид! — Паника разорвала горло криком и перекрыла кислород.

Я выскочила на улицу, ища глазами следы борьбы или что-то еще, что объяснит исчезновение. Только бы раздавить эту давящую неизвестность.

Весенний ветер ледяным порывом рванул на мне футболку, обжигая голую кожу. Ткань надулась парусом и меня понесло к берегу. Надежда скорчилась под грузом ужаса — Аз

снова забрал Его. Забрал, а я опять не успела сказать Ему...

Как сильно люблю...

Я неслась вдоль кромки прибоя, следуя за какой-то неведомой нитью. Она вела меня неумолимо и точно. И когда в легких почти не осталось кислорода, а кусочки недавно собранной души разлетелись по всем мирам, за поворотом показались две мужские фигуры.

Непонятный зов разом смолк, как только он обернулся. В его глазах пронеслась буря, и когда шок сменился пониманием, он побежал мне навстречу.

— Прости, — выдохнул он, накидывая на мои плечи свое пальто, а затем снял ботинки и заставил их надеть.

Меня колотило — то ли от холода, то ли от облегчения.

— Я не думал, что ты проснешься так быстро.

А мне все казалось сном — вот-вот открою глаза и правда не найду его. Сердце раздвоилось, отбивая ритм то в горле, то в желудке, и не зная, во что верить.

— Я люблю тебя! — Выпала я в панике, боясь, что он сейчас исчезнет. — Слышишь? — Ветер рвал слова, но я кричала сквозь него. — Больше жизни... Ты и есть моя жизнь, Давид! — Пальцы вцепились в его футболку, и я уже не могла остановиться. — Ты меня понимаешь? Люблю! Так сильно...

Его губы накрыли мои, жаркие и влажные, сжигая панику, слезы и этот проклятый ком в горле.

— Ты не спишь. — Прошептал он, целуя почти до боли. —

Мы в безопасности. — Его язык прошелся по моей нижней губе, прежде, чем ворваться в рот. — И я люблю тебя. Так же сильно... Что не хватает слов.

Страсть спалила остатки тревоги, и если бы за спиной не раздалось смущенное покашливание, я бы ни за что не оторвалась от его губ. Давид взял меня за руку и встал рядом, слегка выдвинувшись вперед, прикрывая собой. Но этого было достаточно, чтобы увидеть незваного гостя.

Напротив нас, в нескольких шагах стоял Кас.

Он, казалось, абсолютно не изменился с нашей с последней встречи, хотя я слабо его помнила, когда стояла на крыше и разрывалась от боли. Зато в мельчайших деталях хранила в памяти его образ с торчащим между глаз моим ножом. А сейчас его лицо — идеально симметричное, с точеными скулами и прямым носом — мучительно напоминало Аза. Та же неестественная красота, созданная одним скульптором.

Кас приоткрыл рот, но я его перебила:

— Давай, угадаю. Тебе жаль, да?

Он медленно кивнул, и в его взгляде расплылось тягучее приторное сочувствие.

— Ты случайно не ангел жалости?

— Сострадания, — поправил он тихо.

— Мы закончили. — Голос Давида прозвучал иначе. В нем появилась та самая гипнотическая сила, которой хотелось подчиняться без раздумий.

Кас молча развернулся и ушел, растворяясь за поворотом,

словно его и не было. На земле остались лишь пакеты с продуктами

— Он подрабатывает курьером? — я хмыкнула, вспомнив день нашей встречи с Давидом, когда он стоял на пороге с точно такими же пакетами. И чем это тогда обернулось.

— Если ты в него влюбишься, — он, видимо, уловил мои мысли и в его голосе застыла опасная напряженность, — я его сожру. И даже перьями не поперхнусь.

— Я люблю тебя, — теперь эти слова слетали с губ с удивительной легкостью, и я уже боялась, что буду твердить их как попугай, которого научили лишь этой фразе.

Он подхватил пакеты одной рукой, другой обнял меня за плечи и повел к дому.

— Спасибо, что сказала это вслух. — Напряженность в голосе почти пропала, уступив место моему любимому хриплому бархату.

Я еле переставляла ноги в его огромных ботинках, медленно двигаясь по песку, и это нелепое ощущение делало меня еще счастливее, словно он одел на меня не обувь, а крылья.

— Хорошо, что ты проснулась, родная, — мы дошли до террасы, и он бросил пакеты в коридор, тут же приседая, чтобы помочь мне высвободиться из ботинок. — Потому что я безумно соскучился.

Я засмеялась от накрывающего блаженства — оказывается, мне нравилось быть счастливой.

— Ты выскочила голышом? — Он все еще сидел на корточках, а его пальцы уже блуждали под футболкой, и мои мурашки бежали по коже вслед за ними, пытаюсь удержать каждое прикосновение.

— Я запаниковала, — оправдания вышли нелепыми, но мне сразу стало не до них, когда он с головой залез под ткань и принялся целовать мой пупок, оставляя влажные, горячие следы.

— Мне сносит крышу от твоей эмоциональности, — пробормотал он сквозь поцелуи, спускаясь ниже. — От этого дикого урагана чувств... От того, что ты готова бежать за мной босиком по всему миру...

Я потянула его вверх, обняла за шею и нашла его взгляд, полный восхищения и страсти:

— Потому что... я люблю тебя...

Глава 20. Секреты

— Обещаю, мы когда-нибудь доберемся до кровати. — Он еще пытался отдышаться, улыбаясь мне в шею.

Я сидела на его бедрах, чувствуя, как внутри постепенно затихает сладостная пульсация, и наслаждалась каждым ее отголоском.

Оказывается, его было легко любить. Даже здесь, на холодном полу коридора, среди разбросанных пакетов с продуктами и пальто, скинутого у порога.

— Хочу отметить все углы в твоём доме, — я зарылась носом в его волосы, вдыхая знакомый запах кожи и чего-то бесконечно родного.

— Это твой дом, — возразил он, невольно напоминая, каким образом мне досталось его наследство. — Но лучше пусть будет наш.

Я опять натянула его футболку, и нехотя поднялась. Он встал следом, поправляя брюки и собирая разбросанные пакеты. Голод настойчиво требовал внимания, предлагая съесть все, что плохо лежит.

Я потянулась к холодильнику, доставая мясо и включая плиту, но он мягко отвел мою руку и усадил на кухонный стол:

— Хочу сам кормить тебя, — его голос, все еще хриплый от недавних стонов, прозвучал прямо в ухо.

И я уже была готова снова продолжать любить его. Язык не поворачивался называть все происходящее между нами сексом. Ритуал, таинство, единение душ, высшая связь — но только не секс.

Словно я без него — ничья тень. А с ним — тень его света.

Его губы, уже скользящие к груди, безмолвно подтверждали, что он тоже готов повторять этот ритуал снова и снова. Но мой желудок скорчился в судорогах, выдавая предсмертные звуки. Он хмыкнул и развернулся к плите, пытаясь сосредоточиться на мясе.

— Расскажешь, какие секреты хранит подвал? — Я наслаждалась видом его обнаженной спины, пока он разливал чай.

— Никаких секретов. — Он пожал плечами, и в его движениях не было и намека на тайны. — Я жил в нем после тюрьмы. Снес старый дом и строил этот. Тренировался, возводил стены и собирал себя по частям.

Я вспомнила разговор с его адвокатом: развод, смерть мамы, дурная компания. Три года реального срока за драку с тяжелыми последствиями.

— Тогда ты впервые мне приснилась, — он нарезал стейк и первый кусочек положил мне в рот.

— Что? — я поперхнулась, засмеявшись. Решив, что это какая-то дурацкая романтическая шутка, но он посмотрел на меня так серьезно, что смех застрял в горле.

— Ты училась в институте. И все тебя тогда звали Мари.

— Мама так любила меня называть, — рассеянно пробор-мотала я, — сокращенно.

— Я смотрел твою жизнь, как кино. — Он грустно улыбнулся, словно вспоминал что-то дорогое и давно утраченное. А затем быстро положил кусок стейка себе. И снова мне. Я жевала на автомате. — Первая любовь и утрата. Замужество и развод. Разница была лишь в том, что я влюбился в главную героиню...

Я замерла, не зная как реагировать на это признание.

— Глотай уже, — хмыкнул он, смотря на меня так, словно я была ребенком, заслушавшимся сказкой с полным ртом каши. Пришлось послушно сглотнуть. — В общем, я решил, что мой мозг сошел с ума, транслируя мне собственный сериал. Почти каждую ночь. — Он сунул мне в руки кружку с чаем, а в рот положил кусочек шоколада. — И представь, что было со мной, когда я увидел тебя настоящую. Переехавшую в дом напротив.

Все вставало на свои места: его странное поведение, моя неконтролируемая тяга. Тогда назвать чужого человека своим смыслом казалось абсурдом. Но сердце и не спрашивало разрешения.

— Получается, я тебе начала сниться, когда мне было семнадцать. В это же время мне стал сниться Аз... — События в голове выстроились цепочкой. — Этому есть объяснение? — Я отставила недопитый чай, чтобы не расплескать его из-за возникшей в руках дрожи.

— Подобные мне — с частицей божьего дара, рождаются в те моменты, когда миру грозит гибель. Так бог устраняет угрозы своему творению. — Он сделал паузу, взвешивая каждое будущее слово. — Я появился в ответ на угрозу Азраила, желавшего стать новым богом. А когда он активировался, и стал обманывать тебя во снах, проснулось и мое предназначение.

— И в чем оно? — я, нахмурившись, посмотрела на него.

— Я был создан для тебя.

Внезапно его любовь приобрела горький привкус обреченности. Отсутствия выбора. И это отчаяние метко хлестало по недавно окрыленной надежде, выдирая перья с мясом.

— Это звучит так... безысходно. — В горле снова воскрес ком. — Получается, ты не принадлежишь себе.

— Тогда реши, принадлежишь ли ты себе, — он аккуратно взял меня за подбородок, целуя в лоб. — В тебе частица Азраила. Он мог управлять тобой, сломить твою волю. Но ты выбрала меня, несмотря ни на что. Я мог остаться в раю, забыться в его блаженстве. Но выбрал тебя. И всегда буду выбирать тебя.

Я задумалась. Он отрекся от рая, чтобы это ни значило, спустился за мной в ад. Раз за разом делал жуткий выбор, чтобы спасти меня. И каждый раз его душа оплачивала эту цену молча. Он до сих пор не рассказал, чего ему стоило мое спасение.

— Тогда скажи, как ты попал в ад, — выдохнула я, уже

боясь услышать ответ.

— Все оказалось, легче, чем я думал. — Он крепче обхватил мои плечи, чувствуя, что я могу сбежать. — Нужно было просто совершить самоубийство.

— Ты... сделал это? — Его небесные глаза расплылись в моих слезах.

— И сделаю еще миллион раз, если понадобится, — он аккуратно стер пальцем со щеки первую упавшую каплю.

— И как ты... убил себя? — Прошептала я, еще надеясь на чудо.

Пусть все будет шуткой. Ужасной отвратительной шуткой.

— Так же, как и ты. Прыгнул с крыши...

Глава 21. Камбэк

— О Боже! Я сейчас умру. Я сейчас умру! — Он наконец отпустил меня, и я забилась в углу, впиваясь пальцами в волосы. — Это просто невыносимо. Я не выдержу. Не выдержу!

Что он натворил со своей душой!

Бог! Я же умоляла тебя уничтожить меня!

Чтобы никто не боролся за мою душу. Ни рай, ни ад, ни тем более Давид.

— Откуда ты знал, что у тебя получится? — Я вглядывалась в его лицо, но видела лишь размытое пятно.

— Я не знал, — он решил добить меня окончательно.

— Есть что-то еще, да? — Голос сорвался на хриплый крик, а остатки добитой надежды разбились вдребезги и каждый кусок кричал о конце. Мозг, наконец избавленный от глупых чувств, заработал с пугающей скоростью. — Ты ведь еще что-то скрываешь!

— Не скрываю! — Он впервые закричал. — И расскажу, но тебе нужно успокоиться.

— Я больше не буду спокойна! — Легкие работали на износ и сердце захлебывалось в собственном ритме. — Кто это древнее демоническое существо?

Память, будто дождавшись своего часа, уже знала ответ.

— Люцифер. — Подтвердил он.

В комнате внезапно стало темнее, и воздух наполнил-

ся тем самым запахом ада. Сладко-горьким, что ощущался только на выдохе. В наступившей тишине послышалось, как скребутся по стенам чьи-то невидимые когти. Или это звучало только в моей голове.

— И как ты его... выбесил? — Тьма медленно сжимала кольцо, сжирая реальность по краям.

— Я просчитался в одном. — Его голос пробивался сквозь шорох когтей. — Пусть я умер также, как и ты, но я не мог попасть в твой ад. Тогда начал крушить там все, что видел. Демоны пытались остановить — сгорали заживо. Ад выплюнул меня. И я прыгнул снова. И еще... Пока не пробудился Люцифер...

Сколько раз он падал? Пять минут назад мне казалось, что больнее уже не будет. Как же я ошибалась.

— Тогда ты заключил с ним сделку, — я продолжила за него, и ледяная ясность заморозила все мои внутренности.

— Заключил, — его слова прозвучали далеким эхом, а я все еще никак не могла восстановить потемневший мир.

— Что ты сделал для него? — Спросила я, уже зная, что ответ разнесет меня на части.

— Чтобы попасть в твой ад и забрать тебя, — он сделал паузу, словно набирался смелости. — Я воскресил Дона.

Нет предела боли...

Нет предела...

Нет...

Нет. Нет. НЕТ!!!

Я ворвалась в спальню, натянула первые попавшиеся джинсы, толстовку и привычные берцы. Застегнула ножны на ремне и щиколотках, и выскочила на улицу, напоследок крикнув, чтобы он не смел идти за мной.

Ключ торчал в замке зажигания. Руки дрожали, пока я выворачивала руль, выезжая на трассу. Но, не успев отъехать, резко дернула ручник, выскочила на улицу и вырвала все, что успела сегодня съесть.

Кислота сожгла горло, зато стало легче.

Пусто.

И тогда вернулась ярость. Яркая, слепая, выжигающая все на своем пути. Она расчищала себе место, не оставляя и капли других чувств.

Как же с ней было просто.

Никакой сраной любви. Никакой гребаной надежды.

Я вдавила педаль газа до упора. Машина рванула вперед, к поселку — туда, где началось мое падение.

Глава 22. Ловушка

К супермаркету я подъехала через десять минут, уже не ожидая ничего найти. Но там по-прежнему горел свет и двери были распахнуты настежь. Волосы лезли в лицо, и я, ругаясь, рванула бардачок, из него тут же посыпались документы, провода, салфетки. Я продолжала рыться, с трудом вспоминая, что когда-то здесь были резинки. Если он, конечно, не выбросил их.

Вещи падали на пол, пока в глубине не осталась одна коробка. Я взяла ее в руки — холодный черный бархат и золотистая кнопка. Сердце пропустило удар, а ярость зашипела, ошпаренная чем-то теплым и нежным. Я вертела коробку в пальцах, не в силах открыть, и через пару мучительных сомнений швырнула ее назад, вытащила резинку и выскочила из машины.

У двери магазина торчал демон. В этом мире я сразу их распознавала — по пустой сути под натянутой сверху человеческой оболочкой.

— Вышел встретить меня? — Я оскалилась, обнажая куда больше зубов, чем следовало.

— Захотела обратно в ад, Букашка? — Он запрокинул голову и захохотал так, словно это была шутка года.

Я подошла ближе, сократив расстояние между нами до двух шагов.

— Дон правда вернулся? — Пальцы уже нащупали привычные рукояти ножей.

— Правда, сладкая. — Холод его тела волной докатился до меня, покрывая кожу мурашками. — И он очень, очень зол на тебя. Просто в ярости.

— Моя ярость ничуть не меньше, — крикнула я, громче, чем хотелось.

Нож тут же вырвался из моей руки, но демон легко увернулся, будто ожидал этого, и ринулся прочь, вглубь залитого светом магазина.

Я помчалась за ним, перескакивая через опрокинутые коробки и рассыпанные по полу продукты. Он хохотал и подвывал, завлекая меня в лабиринт стеллажей и дальше. В известное только ему место. Когда железная дверь склада с грохотом захлопнулась за моей спиной, оставляя меня в крошечной тьме, мозг наконец очнулся, с ужасом понимая, что я в ловушке.

Снова.

Но свет неожиданно зажегся. Передо мной стояли двое людей — высокий и низкий. Память хладнокровно подбросила образы прошлых подонков — сходство было пугающим.

— Долго подбирал кандидатов? — Крикнула я в сторону демона. Тот уже устроился на ящиках в дальнем углу, все так же мерзко скалясь.

— Решил, что ты оценишь мою шутку, — он снова издал

что-то среднее между лаем и смехом.

— А ты забавный, — его визг начинал раздражать. — Жаль, только сдохнешь.

Эти двое стояли, не шелохнувшись, застывшие от животного страха, и я уже не понимала, чего ждать. Готовилась к атаке, к насмешкам, к чему угодно — но не к тому, чего на самом деле хотел от меня демон.

— Меня, может, ты и убьешь, но готова ли ты снова убить человека? После всего? — Он резко поднялся, и в его голосе больше не осталось и намека на веселье. — Ты не уйдешь отсюда, пока не разделаешься с этими двумя. — Он подошел к ним сзади. — Хотя они ни в чем не виноваты. Вот у него, — он дернул за воротник низкого, — с маленьким членом, даже семья есть. Дети ждут. А у дочера, — перешел к высокому, скорчив мерзкую гримасу, — мать умирает, и она мечтает увидеть сына живым перед смертью.

Выбор был сделан молниеносно, без капли сочувствия. Словно Аз никуда и не уходил — его ледяная жестокость вновь была моей сутью. Единственной правдой, в которой я никогда не сомневалась.

— Смотрю, ты на членах зациклен, — холодно бросила я, выбирая, кто из них умрет первым. — Завидуешь, потому что собственного не имеешь?

Демон снова залаял, когда я рванула вперед. Резко нагнувшись, дернула ножи из голенищ, и первый клинок с глухим хрустом вошел низкому прямо в глаз. Он завизжал — нече-

ловечески, пронзительно. Но я уже подскочила к высокому, четким движением, перерезая горло. Горячая кровь брызнула на мое лицо и залила одежду. Я вогнала нож ему в живот и рванула вбок. Кишечник вывалился на пол раньше, чем тело высокого рухнуло навзничь.

Я выйду отсюда живой.

Низкий, уже полуслепой и обезумевший от боли, неожиданно набросился сзади, сжимая мое горло толстыми пальцами. Я ударила его локтем в мягкий бок — раздался приглушенный стон и хватка ослабла. Резко развернувшись, я вогнала каблук ботинка в его коленную чашечку, и тишину разрушил знакомый приятный хруст.

Он рухнул на окровавленный пол, а я обрушилась на него сверху, вгоняя нож в его горло снова и снова, пока хриплые булькающие звуки не сменились мертвым молчанием.

Сознание постепенно приходило в себя, и перед глазами вставала жуткая картина расправы. Я смотрела на изуродованное тело низкого, а на моей шее раскачивалась изумрудная капля.

Его напоминание о том, что даже в самые темные времена во мне остается свет...

— Привет от Дона, — прошипел на ухо демон и растворился в воздухе вместе с новыми душами, оставив после себя лишь горькое послевкусие обреченности.

Глава 23. Видел

Я не понимала, как очутилась возле дома.

Он сидел на ступеньках крыльца.

Я продолжала сидеть в машине, не сводя с него глаз.

Чужая кровь покрыла коркой лицо, руки, заляпала руль и, наверняка, сиденье. Два обезображенных трупа так и остались лежать на складе. Было ли мне жаль?

Ни хрена.

Кого ты выпустил, Давид?

На что ты вообще надеялся?

Ярость, вдоволь насытившись кровью, отползла в самый темный угол моей души. Теперь мною правила обида — липкая, ядовитая, обжигающая горло комом. Она не пускала меня к нему, приковывая к креслу.

Он и не звал.

День сменился сумерками, и закат догорал вместе со мной. Он включил на террасе свет, продолжая ждать. Терпеливо, молча — как умел только он.

А я продолжала себя накручивать, и когда пружина моих мыслей закрутилась до предела, выскочила из машины, быстрым шагом направляясь к нему.

— Твоя кровь? — Он бегло осмотрел меня с ног до головы.

— С чего бы? — Ощетинилась я.

Он тихо хмыкнул — и эта его наглая усмешка добила меня.

— Тебе смешно? — я взревела, и голос мгновенно охрип. — Посмотри, кого ты вернул! Я — чудовище! Разве твоя жертва стоила того, чтобы возвращать... это?!

Слезы хлынули снова, не спрашивая разрешения, смешиваясь с засохшей на щеках кровью. Я стояла перед ним — вся в грязи, соплях и крови, и он снова смотрел на меня так, будто до сих пор видел свет.

— Я вернул не чудовище, а женщину, которую люблю, — этим своим оптимизмом и уверенным спокойствием он бесил еще больше.

Своей идеальностью. И тем, что я не просто недостойна его.

Я стану тьмой, что уничтожит его душу.

— Опять ты со своей любовью! — вырвалось у меня, и я вцепилась в края его пальто, толкая в грудь. — Не хочу ничего чувствовать! С Азом было проще, он такое же дерьмо, как и я! А ты! Ты... — слова застревали в горле, перекрывая дыхание. Мозг слетел с катушек, выпуская наружу все, что копилось. — Почему ты так поступил? Ты же знал, что Дон — это красная черта для меня?

— Да потому, что я все видел! — Его голос сорвался на крик, наконец срывая маску спокойствия. — Видел каждую пытку, каждый раз, когда тебя рубили на части! Видел все твои сделки — голос, слух, зрение... Ты ставила на кон по-

следнее, что у тебя оставалось, лишь бы держаться за эту реальность! Лишь бы остаться со мной хотя бы через окно.

Видел...

Я закрыла глаза руками, пытаюсь исчезнуть хотя бы так, в темноте под веками, где не было этой чудовищной боли в его глазах. Но он мягко отодвинул мои ладони, а голос опустился до хриплого шепота, густого и пронзительного, как уходящий после бури гром.

— Я видел, как ты смотрела на меня сквозь стекло, уже ничего не различая. Но все еще отчаянно ища мое лицо. — Он прикоснулся к моей щеке, и его пальцы дрожали. — И я предпочту воскресить Дона тысячу раз, лишь бы ты больше никогда не страдала. Я утоплю этот мир в крови, утону сам, сожгу ад и переверну рай.

Слезы катились по его лицу, оставляя мокрые дорожки, но он продолжал смотреть на меня — с безумной нежностью, смешанной с яростью, давая безмолвный обет уничтожить все, что посмеет причинить мне боль.

— Только продолжай жить...

Глава 24. Не справляюсь

— Тебя нужно срочно помыть, — пробормотал он, и в его голосе пробивалась тревожная нежность, попытка вернуть нас к чему-то простому.

Я все еще сжимала его пальто, словно это был единственный якорь — отпущу и засосет тьма.

Слезы текли безостановочно — соленые и горькие — вымывая всю боль, ярость и грязь. Оставляя лишь обреченное понимание, что в нашей ситуации ничего не будет просто.

Он осторожно попытался разжать мои пальцы, но я яростно замотала головой, сопротивляясь.

— Зацепись за футболку, родная, — тихо попросил он, его дыхание коснулось моей грязной щеки. — Я сниму пальто и отнесу тебя в ванную.

Я собрала оставшиеся силы и разжала пальцы, доказывая ему и всему миру, что способна хотя бы на это.

Я не справлялась.

С последствиями своего срыва — кровь на моих руках не отмоет никакая вода. Не справлялась с собой — Аз ушел, но его бесконтрольная ярость, жажда возмездия и бесчеловечность остались моей сутью. И никакая любовь это не исправит.

Я не справлялась с его любовью, с грузом его жертв. Как можно когда-нибудь отплатить за... такое? Как не сломаться

под тяжестью этой благодарности, смешанной с ужасом?

— Я не справляюсь, — выдохнула я в полной тишине.

— Я знаю, — просто сказал он, уже неся меня в дом. —

Знаю.

Я уткнулась взглядом в полосы кафеля, стараясь сосредоточиться на счете, пока он осторожно освобождал меня от одежды.

Один... Два... Три...

С потолка хлынула горячая вода, смывая засохшую на коже грязь. Он развернул меня к себе и принялся намылывать волосы.

Одиннадцать... Двенадцать...

Я все-таки зацепилась за его мокрую футболку.

Тридцать пять... Тридцать шесть...

Глаза щипали от шампуня, слез и горькой судьбы, что безжалостно сплела нас в единый клубок, не спросив, хотим ли мы такой цены за любовь.

— Как мне все исправить? — вырвалось у меня, и рыдания снова перехватили дыхание.

— Ты ничего не должна исправлять, — он прижал меня к себе, и его ладонь медленно скользила по спине. — Кроме своего представления о том, что любовь требует расплаты.

Я уткнулась лицом в его грудь, вцепившись в мокрую ткань так, что онемели пальцы, и уже не сопротивлялась рыданиям, разрывавшим легкие.

— И ты должна принять себя всю. С кровью на руках и

болью в сердце. — Его губы коснулись моего виска, а в голосе звучала лишь непоколебимая уверенность. — Я люблю тебя именно такой. С твоей яростью, с твоими шрамами. С той силой, что даже ад не мог сломить.

Он укутал меня в мягкое полотенце, впитавшее воду с остатками слез, и отнес на кровать. Переоделся в сухое и лег рядом, не касаясь — давая пространство.

Я считала узоры на обоях: капля — трещина — капля — трещина.

Шестьдесят восемь... Шестьдесят девять...

Пока сон не накрыл меня целиком — теплый, темный и милосердный, унося прочь отголоски дня.

Глава 25. Барьеры

Я постепенно прорастала в реальность, как трава сквозь трещину асфальта — медленно, но упорно и неизбежно. С момента двойного убийства прошел почти месяц, и я скрупулезно сохраняла каждый день в памяти, хоть они и сливались в череду одинаковых рассветов и закатов.

Я бежала по кромке прибоя, как и каждое утро последних недель. Весенний ветер менялся вместе со мной, наполняясь теплом и силой, и отражая мое возрождение.

Первая неделя прошла почти в полном молчании. Я не смотрела ему в глаза, отвечала односложно и дни напролет проводила в подвале, выбивая из груши каждую ядовитую мысль, каждую слезу, что больше не могла себе позволить пролить. Если бы груша была живой, то скончалась бы уже десяток раз.

Но его безусловное принятие исцеляло лучше любых таблеток и психологов. Оно проникало в самые глубокие трещины моей замерзшей души, и я таяла. Теперь уже окончательно. Все чаще ловя себя на том, что непривычная легкость складывалась на губах в дурацкую улыбку, которой больше не нужно было искать оправданий.

Мы всегда спали вместе, но я не решалась зайти дальше объятий и поцелуев в лоб. Каждую ночь он прижимал меня к себе так, словно боялся, что рассыплюсь во сне, а я пряталась

ла лицо у него на груди, слушая ровный стук его сердца — самый любимый звук во вселенной.

Теперь я не торопилась. А может, все еще бессознательно наказывала себя, отказываясь от того, чего желала всей душой. Он и не требовал. Лишь иногда его пальцы замирали на границе футболки, затаив дыхание у самой кожи и жажда моего разрешения стать страстным прикосновением.

Каждый вечер моя оборона слабела, и каждое утро я клялась себе сказать ему «да»...

Может, сегодня как раз тот самый день...

А пока он встречался с Касом, я продолжала бежать.

Мне почти удалось научиться не только задавать вопросы, но и выслушивать ответы, не разрываясь на части.

Теперь я знала, как воскрес Дон. После моих попыток, он совершил то же, что и когда-то Аз — вложил часть своей сути в первую попавшуюся человеческую душу, еще тлевшую в аду.

И когда пробудился Люцифер, ему было плевать на открытый ад, на войну между Азом и Доном. Ему нужен был всего лишь управляющий его безумного дома, который он сам не желал контролировать. Этой капли демонической сути, застрявшей в чужой душе оказалось достаточно, чтобы Давид воскресил Дона.

Я также узнала, что Давид не читает мои мысли, как это делал Аз — не вламывается в голову, не ковыряется в воспоминаниях. Но безошибочно улавливает их направление и

эмоциональный заряд. А самые яркие, самые острые из них врезаются в его сознание, и от этого он иногда вздрагивает даже во сне.

Теперь я знала, что он тоже бесплоден из-за своей божественной частицы...

— Ты сегодня поздно, — он сидел на ступеньках крыльца, и ветер трепал его непослушные волосы. А в небесных глазах сияла чистая нежность, от которой захватывало дух — словно в детстве, когда карусель взмывала вверх, и мир на мгновение замирал в восторге.

— Мысли не отпускали, — я улыбнулась и присела рядом, пытаюсь отдышаться после бега.

Он подтянул меня ближе и зарылся носом в шею.

— Я грязная и потная, — сопротивление вышло вялым, и я лишь крепче вцепилась пальцами в шершавые края ступенек, чтобы не раствориться в блаженстве.

— Хочу мыть тебя, — хриплый голос обжег кожу, — разрешишь?

— Просто мыть? — Я хмыкнула, стараясь скрыть дрожь в голосе под маской иронии.

— Просто мыть, — небрежно бросил он, пряча в уголках рта легкую улыбку.

Внутри все сжалось от нелепого разочарования, и я лишь кивнула, не в силах произнести ни слова. Он тут же подхватил меня на руки и понес через весь дом в ванную.

Горячая вода смывала пот и песок, но не могла справиться

с растущим разочарованием. Я стояла перед ним обнаженная и уязвимая, пока он, даже не потрудившись снять шорты, просто... мыл меня. Тело трепетало от каждого его прикосновения, и я уже была готова послать к демонам свои запреты, но он лишь продолжал намывать мою задницу.

Когда его руки скользнули по животу, я не выдержала и развернулась к нему:

— Поцелуешь меня? — прозвучало почти как вызов.

Он замер. Вода продолжала струиться по его неподвижному торсу, затекая в шорты, а в воздухе повисло напряженное молчание. Я не понимала, чего он ждет, почему медлит, когда во мне все кричало о почти болезненном желании.

— Если я тебя поцелую, — его голос опустился до моего любимого хриплого бархата, — весь мой план полетит в бездну.

— И какой же у тебя план, — я облегченно выдохнула и пошла в наступление, скользнув пальцами под резинку его шорт.

Волна дрожи пронеслась по его телу, и я не могла оторвать глаз от выразительного контура его возбуждения,ступающего сквозь намокшую ткань. Все во мне требовало сорвать эту последнюю преграду, но он резко выдохнул, перехватил мои запястья и развернул спиной к себе:

— Ты испортишь сюрприз, Рина! — сдавленно, сквозь зубы прорычал он, губы обжигаяще близко прильнули к моей шее, а дыхание стало рваным.

— Мне так нравится, как ты реагируешь на меня, — я пропустила слова о сюрпризе мимо ушей, целиком поглощенная движением его губ.

Но он все испортил. Резко оторвавшись от меня, выскочил из душа и велел домыться самой.

И чего я хотела? Месяц играла с его чувствами, выставляя барьеры, и теперь он расплатился со мной той же монетой. Но где-то глубоко внутри, сквозь обиду, пробивался робкий голос надежды: а что, если дело и правда в сюрпризе, ради которого стоит отодвинуть гордость в сторону?

Пусть попробует удивить.

Глава 26. Двадцать седьмое марта

Мы ехали в машине больше часа, а он так и не поддался на уговоры, и я уже почти начала ныть, потому что сюрпризы всегда вызывали во мне тревогу.

— Сегодня какой-то особенный день? — попробовала я с другой стороны, надеясь выведать хоть крупицу его планов.

— Угадала, — довольно ухмыльнулся он. Его ладонь лежала на моем бедре, прожигая дыру в джинсах, пока вторая уверенно сжимала руль.

Трасса вилась вдоль побережья, иногда ныряя в густой лес. И я бы наслаждалась видом цветущей весенней природы, но внутри все сжималось от неизвестности.

— Еще бы вспомнить дату, — проворчала я, сдаваясь, когда мозг упрямо отказывался выдать хоть одну зацепку.

— Двадцать седьмое марта, — он расплылся в улыбке, и от этого стало еще досаднее.

Я окончательно скисла. Эта цифра для меня не означала ровным счетом ничего.

Машина вырулила из очередного поворота и впереди открылся вид на большой прибрежный город. Он лежал в низине, а мы спускались с горы, и от этого панорама казалась еще величественнее. Новые районы с зеркальными небоскребами теснили уютные кварталы с небольшими деревенскими домиками. В порту все еще стояли корабли, и один из

них медленно, величественно выдвигался в открытое море, оставляя за собой белую пену.

— Город... не мертв? — я прошептала, не веря собственным глазам.

— Это один из немногих городов, что еще живет. — Тихо ответил Давид. — Как и столица.

Социофобия тут же вылезла наружу, нашептывая навязчивые страхи о том, как я потеряю контроль среди людей. Сердце испуганно забилося, умоляя развернуться, но я стиснула зубы и просто кивнула, не желая портить ему великолепное настроение.

— Все будет идеально, — его пальцы нежно коснулись моей щеки. — Обещаю.

Мы уже подъезжали к кованым воротам отеля. Вокруг цвели мимозы, и я открыла окно, впуская в машину их терпкий аромат, смешанный с запахом моря.

Машина плавно закатилась под навес парковки, и швейцар в безупречной ливрее уже открывал мою дверь. Я замерла на секунду, глядя на ослепительно белые стены отеля, увитые плющом, на сияющие стекла и ухоженные клумбы, где уже цвели тюльпаны. Казалось, мы перенеслись в прошлое — мир, где еще не было ни страха, ни конца.

Я прошла сквозь вращающиеся стеклянные двери в прохладный вестибюль. Люди вокруг говорили, смеялись, звонили бокалами у бара — жили. Давид забрал ключи у администратора и повел меня вглубь территории. Внутри отель

оказался настоящим лабиринтом из ухоженных дорожек, и после нескольких поворотов среди разноцветных домиков, спрятавшихся в гуще деревьев, мы наконец подошли к нашему.

Деревянный коттедж, словно нарисованная идеальная картинка в журнале, утопал в зелени. Сквозь листву пробивался солнечный свет, играя бликами по темным стенам, а где-то вверху, приветствуя весну, выводила несложную мелодию птица.

— Где ты откопал такое чудо? — Я развернулась к Давиду, не скрывая изумления.

— Нравится? — В его глазах плескалась тихая радость.

Я лишь кивнула, не в силах выразить восхищение словами.

— Ты бы знала, что это твой отель, но тебя никогда не интересовало, что я оставил тебе в наследство. — Он выдержал паузу, дав словам просочиться в сознание. — Заходи в дом.

Я послушно открыла дверь и переступила порог. В центре гостиной на столе стояла ваза с пушистой охачкой моих любимых пионов, и между кроваво-винных лепестков белел уголок записки. Аккуратно, боясь спугнуть мгновение, я вынула сложенный лист и развернула его, уже зная, что там написано:

«Люблю еще сильнее. Д.»

— В прошлом году, двадцать седьмого марта, — Давид неслышно подошел сзади и обнял, касаясь губами моей шеи,

— мы с тобой наконец познакомились.

Слова повисли в воздухе, наполняя комнату теплым смыслом. Счастливая улыбка тронула мои губы, и я, развернувшись в объятиях и встав на цыпочки, наконец поцеловала Его.

Глава 27. Пять минут

Мои пальцы уже зацепились за край его футболки, нерешительно задирая ее вверх. Я боялась снова нарушить неизвестные мне планы. В моей же голове крутилась только одна навязчивая мысль — поскорее избавиться нас от одежды.

И мне безумно нравился мой план, но в дверь внезапно постучали. Четко и настойчиво.

Мы замерли, как два школьника, застигнутые на месте преступления. Его лоб уперся в мой, и он с легкой досадой выдохнул:

— Заходите.

В дом молча вошли двое и принялись сервировать стол с абсолютной невозмутимостью.

Как будто их тут ждали.

Я наблюдала, как они методично расставляют блюда, раскладывают приборы, наливают вино, и, не выдержав, зашепела ему в ухо:

— Не буду есть, пока мы уже наконец не займемся любовью!

Последние слова вырвались громче, чем нужно, но эти двое не моргнули и глазом, точно были роботами.

— Я терпел месяц, — нагло ухмыльнулся он, покусывая мочку моего уха. — И ты потерпи пять минут, родная.

В его голосе звучала та самая сладкая месть — не злая, но

от этого не менее безжалостная. Он наслаждался моментом, зная, что теперь я горю от того же нетерпения, что терзало его все эти недели.

— Не боишься, что отомщу? — я провела кончиком языка по его ключице, чувствуя, как он вздрагивает, сдерживая стон. И тут же впилась губами в кожу, оставляя синеющий след на прощанье.

Я уже почти оторвалась от него, чтобы демонстративно уйти, но он поймал меня за талию, жестом указывая официантам исчезнуть.

— Надеюсь, ты готова к последствиям, Рина, — его голос прозвучал властно, а руки перестали быть нежными.

Он схватил мои запястья, прижал к стене, и его губы впились в мои с такой жадой, словно этот месяц провел в пустыне без воды.

В один миг все стало... слишком. Жарким. И я уже не понимала, что заставило меня прожить тридцать пустых дней без его рук, его поцелуев. Джинсы стали невыносимо тесными, а его движения — еще яростнее.

Его руки ворвались под мою толстовку, нащупывая застегжки бюстгалтера, но не обнаружив их, замерли.

— Ты без белья? — его глаза вспыхнули, как у охотника, нашедшего добычу, а пальцы уже проскочили под пояс джинсов, пробегаясь по голым ягодицам.

— Ты так торопил меня со своим сюрпризом, — мои ладони скользнули под его брюки, — что я забыла его надеть.

Я наблюдала, как он теряет контроль, не понимая, почему отсутствие клочка ткани способно свести с ума взрослого мужчину, хотя это зрелище было слаще любой мести. Но в дверь снова постучали.

— В бездну этот гребаный отель! — рыкнул он, и в его глазах вспыхнули голубые молнии, готовые испепелить всех, кто оказался за дверью.

— Потерпи пять минут, родной, — я с удовольствием вернула ему его же фразу, чувствуя, как закипает кровь от этой игры.

Но он уже не слушал. Схватил меня за руку и потащил к выходу, сжимая пальцами мою ладонь так, словно я сбегу. Когда мы неслись через вестибюль, я еще кое-как успевала за его широкими шагами, но, вырвавшись к морю, он ускорился еще сильнее.

Ветер мчался вместе с нами, срывая с моих губ смех и протест. Не останавливаясь, он подхватил меня на руки и свернул в сторону порта, к длинному пирсу, уходящему далеко в темные воды.

— Куда мы несемся? — я болталась на его руках, откинув голову назад, подставляя ветру растрепанные волосы.

— Туда, где не никто не будет стучать в дверь, — он подбежал к одной из многочисленных яхт и перенес меня через борт, опустив на палубу.

Я не успела оглядеться, как он уже запустил двигатель и вырулил в открытое море, разгоняя яхту до предельной ско-

рости. А через пару минут выключил мотор, и, отрезав пути к отступлению, медленно направился ко мне:

— Вот теперь ты только моя.

Глава 28. Возвращение домой

— Ты снова выиграла, моя красивая девочка, — бормотал он, стянув с меня толстовку и замирая в восхищении перед обнаженной грудью. — Как я вообще собирался сопротивляться, когда теряю всякую волю рядом с тобой?

От его слов, шепота, смешанного с поцелуями, бросало в жар, и кожа превратилась в сплошную эрогенную зону, где даже взгляд ощущался как самая желанная ласка.

Мы все-таки добрались до кровати. В тесной каюте она казалась огромной — от стены до стены. Он сидел на краю, а я стояла между его ног, чувствуя, как дрожат его руки на моей талии.

— Когда ты так много болтаешь, — я томно вздохнула и провела пальцем по его губам, — у меня твердеют соски.

— Ты сегодня решила добить меня, — шумно выдохнул он, расстегивая молнию на моих джинсах. — Но мне нравится этот способ мести.

Он не торопился, исследуя пальцами и губами каждый изгиб моего тела, а затем стащил с себя последнюю одежду, и я опустилась к нему на колени, чувствуя как его напряженная плоть пульсирует между моих бедер, требуя большего.

— Мне кажется, я могу испытать оргазм, просто глядя в твои глаза, — прошептала я, растворяясь в его взгляде.

Его любовь была чистым эндорфином, что разливался в

этих бездонных голубых радужках, опьяняя, словно первый глоток свободы после вечности в темноте.

— И я бы с удовольствием сидела на тебе весь день напролет, — я слегка потерлась о его возбуждение, чувствуя, как его тело напрягается подо мной и застонав от этого.

— Рина, — он прорычал мое имя низким, сдавленным голосом, в котором дрожала вся его выдержка. — Впусти уже меня в себя, иначе я закончу, не начав!

Я приподнялась и послушно сделала то, о чем он так умолял. Он вошел медленно, становясь частью меня, а затем протолкнулся еще глубже, крепче сжимая ягодицы пальцами.

С ним не было неловкости. Кажется, наши тела знали друг друга еще до первой встречи. И когда он входил в меня, это было похоже на возвращение домой.

Все мое существование свелось до его припухших губ, до трепета длинных ресниц, отбрасывающих тени на скулы. До хриплого стога, вырвавшегося из его груди, когда я наконец приняла его полностью.

— Люблю смотреть, как ты двигаешься на мне, — он откинулся на локти, и его наглая улыбка пробежала по моей коже электрическим разрядом, усиливая и без того всепоглощающее желание.

Через пару ритмичных движений мое тело пронзила сладкая судорога, выгибая спину и вырывая из груди громкий протяжный стон.

— Обожаю слушать, как ты стонешь от удовольствия, — прорычал он, срываясь, словно сам был на краю.

Он развернул меня, поставил на колени и вошел сзади, с какой-то дикой необходимостью, как будто иначе не выжить. Его пальцы вцепились в мои волосы, сгребая их в пучок, и он прижал спину к своей груди, чтобы каждый его толчок отдавался в самом сердце.

Резко. Мощно. До самого упора. Теряя себя в вихре ощущений, распдаясь на атомы и возрождаясь уже в правильной последовательности. Сверкая электрическими разрядами до дрожащих бедер и темноты в глазах.

— Давай, родная, кончай, — его голос сорвался на хриплый стон, — я следом за тобой.

Но мы взорвались одновременно — два тела, одно мгновение и общий крик. Падая, взлетая, теряя границы — чтобы найти друг друга между телом и душой в нашей новой бесконечной жизни.

Глава 29. Вдребезги

К наступлению ночи мы все-таки вылезли из постели, не в силах сопротивляться настойчивому зову голода. Оказалось, Давид продумал не только отель: на борту яхты припасов хватило бы на неделю, если бы мы решили не возвращаться на берег.

Я снова сидела на столе в его футболке, а он готовил что-то вкусное, время от времени подкармливая меня то горстью орехов, то хрустящим ломтиком огурца.

— Никогда еще не чувствовала себя так... — я запнулась, подбирая подходящее слово, пока рассеянно вертела в пальцах зернышко миндаля. — Будто я не убегаю, а наконец прибежала. — Я вздохнула, не в силах высказать свои чувства в точности. — Так цельно. Словно все мои осколки сложились в единственно верный узор.

Он повернулся и легко коснулся моих губ, но мне было мало этих слов, они были слишком мелкими для того, что распирало изнутри.

— Так легко. — Выдохнула я, ловя его взгляд. — Словно я всю жизнь таскала на себе чужой груз, а теперь могу лететь. — Губы дрогнули в улыбке. — Ты заставил меня отрастить крылья, Давид.

Прозвучало как обвинение, но он меня понял.

Как и всегда...

— Умоляю, — он притянул меня ближе, целуя в плечо. — Только не превращайся в ангела. Я этого не переживу.

По телу тут же побежали счастливые мурашки, а он снова принялся кормить меня, уже с вилки.

— Самая вкусная паста в моей жизни, — простонала я, закрывая глаза от наслаждения. Счастье раскрасило мир так ярко, что даже лимоны сейчас показались бы сладкими.

— Это потому, что ты голодная, — он усмехнулся, но в его глазах нежность плескалась через край. — Хочешь, поживем в этом городе дольше?

Я задумалась. Возвращаться в дом у моря, где даже воздух хранил следы боли? Зато там не было людей. Но и бесконечно прятаться от мира тоже нельзя. Жизнь звала вперед, требуя новых смыслов.

— Я не знаю, чего хочу, — прошептала я, спрятав лицо на его плече, словно признавалась в постыдном грехе.

— Тогда будем плыть по течению. — Он обнял меня за талию, вставая между моих бедер. — Даже, если это займет сто лет.

— А чего хочешь ты? — Мои губы коснулись горячей кожи его шеи, ощущая учащенный пульс.

— Все, чего я хотел, сбылось. — Он провел пальцами по моей спине, слегка касаясь шрамов под тканью. — Даже то, что ты ходишь в моей футболке. — Его губы зарылись в мои волосы. — Пока я просто хочу этим наслаждаться.

— Тогда я с тобой, — прошептала я, прижимаясь к его

груди. — Давай, попробуем пожить здесь.

Я впервые засыпала, чувствуя покой. Не временное за-
тишье, а твердую, непоколебимую уверенность, что все бу-
дет хорошо, даже если мир вокруг рушится. Его размерен-
ное дыхание на моей шее, сердце под моей ладонью — и ни
одной тревожной мысли под бесконечно темным, и, может
быть, добрым небом.

Меня разбудил зов. Будто окликнули с обратной стороны
вселенной, дернув за ту самую нить, что была намертво при-
шита к моей душе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.